

Илья
Габай

Посох

Илья Габай
Посох

СТИХИ И ПОЭМЫ

Москва
Издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина

1990

ББК 84Р1-5

Г12

Издание осуществлено за счет друзей автора.

ГАБАЙ ИЛЬЯ

«Посох». Стихи и поэмы. М.: Прометей, 1990. — 78 с.

Г $\frac{4702010202-214}{183(2)-90}$ без объявл.

© Габай Илья Янкелевич, 1990.

ISBN 5—7042—0261—6

ОБ ИЛЬЕ ГАБАЕ

При жизни Илье Габаю почти не довелось увидеть своих стихов напечатанными, если не считать нескольких публикаций в многотиражке МГПИ «Ленинец». Их сохранили его друзья, они ходили по рукам в довольно многочисленных списках, сейчас их заучивает наизусть новое поколение молодых — эти стихи до сих пор звучат на удивление злободневно.

Между тем он был поэт по природе, по самой внутренней сути своей — читатель ощутит это буквально с первых же строк. Близорукий, вечно житейски неустроенный и не особенно внимательный к внешней стороне жизни, он был на редкость чувствителен и восприимчив ко всякой человеческой незащищенности и боли, к чужой беде, «чужому горю». Так озаглавлено раннее, юношеское стихотворение Габая, в котором, однако, сразу оказалась сформулирована нравственная основа всего его последующего творчества:

*Но я хотел бы, чтобы боль чужая
Жила во мне щемящей сердце болью.*

Ему самому довелось испытать немало. Он родился в Баку 9 октября 1935 года; рано лишившись родителей, узнал и сиротство, и голод. Отслужив в армии, Габай в 1957 году поступил в МГПИ им. В. И. Ленина, сначала на дефектологический факультет, затем перевелся на историко-филологический. Работал в пионерском лагере, в колонии для малолетних преступников, на целине, где был награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель». За несколько месяцев до окончания института, в январе 1962 года, Габай уехал учительствовать в село Зеленая Роща на Алтае (государственные экзамены он сдал позднее).

Годы спустя, когда он уже перестал работать в школе, я встречал в доме у Габая бывших его учеников: они помнили его, приходили к нему за советом или просто поговорить о жизни, о литературе. Такое дается не каждому: он учил не просто предмету, но нравственному отношению к жизни.

Именно нравственное чувство прежде всего определило со временем и общественную его активность. Обостренная совестливость не позволяла ему спокойно терпеть многое, что другим удавалось как бы не замечать. Он болезненно воспринимал всякую несправедливость, демагогию, ложь. Он выступал против опасности возрождения культа личности Сталина, боролся против многочисленных тогда нарушений законности, вступался за несправедливо осужденных и, в конце концов, сам оказался одной из жертв беззакония. Трехлетний срок Габай отбыл в Кемеровском лагере. Здесь была написана последняя его поэма «Выбранные места», где в форме воображаемой переписки с друзьями осмысливаются основные мотивы его жизни и творчества.

Вообще по стихам Габая можно пунктирно проследить всю его биографию, внешнюю и духовную. У него никогда не хватало времени и возможностей как следует их доработать, отшлифовать; некоторые строки так и остались недописанными, лишь намеченными. Он все время мечтал как-нибудь к ним вернуться. Увы, сделать это не удалось. 20 октября 1973 года Илья Габай покончил с собой.

Похоронили его на родине, в Баку; на его могиле установлен памятник работы выдающегося советского скульптора Вадима Сидура. Знакомство читателя с поэтическим и прозаическим творчеством Ильи Габая только лишь начинается.

М. ХАРИТОНОВ

Чужое горе

ЧУЖОЕ ГОРЕ

Ленивый взгляд вокруг себя бросая,
Из любопытства посмотрев назад,
Мы очень часто мельком замечаем
Нам непонятный и тоскливый взгляд.

Наверно, боль легла ежом на сердце,
Печаль одавила горло, как лассо,
И человеку хочется, поверьте,
Прохожему поведать обо всем.

Мелькнуло горе чужеродной тенью,
Заставило задуматься на миг...
Но мы прошли,
Забыв в одно мгновенье
Чужую боль,
Чужого сердца крик.

Своей беды нам ворон не накличет,
Беда других — ничтожна и мала...
Наверно, от такого безразличья
И повелись преступные дела.

Мне говорят: опять мудришь.
Не знаю.
Неважно это, слишком мелко, что ли,
Но я хотел бы, чтобы боль чужая
Жила во мне щемящей сердце болью.

1957

Фрунзе

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩАЕТСЯ»

БАРЖИ. ЯХТЫ

А.

Затолканы до одури,
как сельди в бочках, скучены
от Волги и до Одера
ползли баржонки скучные.

Ловили солнце красное,
кряхтели тяжко, грузные,
тащили грузы грязные
и пели песни грустные...

А по гребню по пенному
взлетали яхты птицами.
Сверкали бляхи ценностью,
которая не снится вам,
блестели снасти медные,
кокетливо завитые...

Ползли баржонки медленно,
красоткам не завидуя:

Вдыхала грудь моряцкая,
впитала смоль голяцкая
и жалобы бурлацкие,
и посвисты пиратские.

А сроки шли... И песни их
На дровяную пенсию
свалили их на пристани.
затихли, словно в приступе.

И часто яхты старые,
глухие, слепоглазые
брюзжали мемуарами
и глупыми рассказами
о прежней пышной роскоши,
о жизни — вопышке искровой...
И были эти рассказы
Хвастливы и неискренни.

А баржи беззатейные
на гравии простуженном

плевали на растерянный
дуэт старушек в кружевах.

Хранила грудь моряцкая,
хранила смоль голяцкая
и жалобы бурлацкие
и посвисты пиратские.

...А вы все славу курите
летающим над пропастью!
Летают даже курицы.
Попробуйте — поползайте!
Я знаю: там, на гравии,
храня свое молчание,
лежали биографии,
достойные венчания!
1959

* *
*

Друзьям по институту

Его святейшество — Безбожие!
Его законственность — Безбожие!
Его законченность — Безбожие!

Как подобает Светоликому,
пройдя опалу и мытарства,
Оно вступает в сан Религии,
храня, как летопись, реликвию —
свое давнишнее бунтарство...

...Ты плакался на бездорожье?
И на безвременье? Безъяростье?
На то, что ты могила ересей,
а, в лучшем случае, музей?
На ложность ловких непреложностей
Его казенных Моисеев?
То хмель гуляет по извилинам,
как хлыщ — враскачку, в брюках белых!
Кому нужна была избитая,
твоя чудная будто смелость!

Ведь каждым шагом, каждой поступью,
любой неловкостью и ловкостью,
ты доказал, как это просто

все штукатурить лаком, лоском.
...Успехи и ошибки — четкие,
и все понятно, все не кажется,
и если ты кричал о чем-то там,
то знал: за это не накажут.
И даже каждая бессонница
была как сон, докука девичья,
и, если ты когда-то ссорился,
то только мелко, из-за мелочи.
...Однажды, начисто исторгнутый
дублерами из детских фарсов,
ты стал бухгалтером истории,
ее приход-расходных фактов.

Ты говорил: в безвестность канули
былые ребусы, задачки,
и зачеркнул в скрижалях каменных
тех, кто окончил неудачами.

Но из веков протянут шупальца,
погибшие и неплакатные,
дела нечаевцев, ишутинцев,
живые в эхе казематном.
Увидишь. Ощутишь отчаянье.
И стыд (как нагишом — на стуже),
И будешь видеть ты Нечаева
в любом ораторе досужем.

И вот за ним, необязательным,
неосязательным, как слово,
пойдешь на смуту, на предательство,
на дно — по зову крысолова.

И не поймешь, глупец, усердствуя,
поддавшись на приманку сахаром,
что те, кто громко ересействуют,
мечтают стать ересиархами.

Мечтают сдать в музеи рублища,
жить безответно и беспошлинно,
напялить бархат и рубины,
судить и жечь иных безбожников...

Ты потерял разгадку ребуса,
а ведь она — разгадка прошлого...
Безбожье — это бессеребрность.
Хриstopродавство — не безбожие.

И надо каждодневно верить —
в тебе неведомое братство,
где ереси — не власть, не эрос,
где ересь — это не богатство,
где ересь порождает ересь,
а не религии и царства...

Май, 1961

* *
*

В. П.

Вот и мы с тобой в шестидесятых!
Снова либералы народились,
снова с говорливою надсадой
мирно уживается рутинка.

Не свалить зовущим время темам
Частокол необъяснимых стенок.
Почему же мы с тобою с теми,
Гордыми от маленьких истерик?

Броско! А вчитаться — плоско, тускло
то, что нам они пролепетали.
Мы с тобой считали: Заратустры.
Оказалось: просто либералы.

Это нам, щенкам, бросали кости
их несмело смелые таланты.
Чтобы легче было даже космос
рвать по лоскутам на транспаранты.

Чтоб опять нашествием бессменным
воцарился гул трещоток, шествий,
потому что всем нам, добрым, смелым,
как-то легче жить без Чернышевских.

20 июля 1961

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Нетипичному лицу

И вдруг в разговорах приватных
остынет горячка мечты,
и ты на коротком привале
примкнешь самолюбье, как штык.

И, сбросив раздумье, как ношу,
пойдешь сквозь бесстыдство и ложь.
До жалкой и горькой Каноссы
раскаянье ты понесешь.

И будет в их радости столько
злорадства на этот позор,
что даже врожденная стойкость
от боли тебя не спасет...

Но сдюжишь. И — крепкая шкура! —
сумеешь обиду простить.
Ты даже научишься скоро
в их хоре фальшиво басить.

На диво недавно рожденным,
с вчерашним порвав до конца,
ты станешь таким убежденным,
таким нетерпимым к юнцам,
с такой несгибаемой волей,
с таким непреклонным г*эром, —
что, черт его знает, твое ли
лицо украшает тавро —

тавро неприкаянной ночи,
тавро беспокойства и смут,
которое, как ты не хочешь,
но даже изменой не смыть!

Когда тебе скажут об этом —
заплачешь: «Трудился, служил...
Примите, товарищи дети,
мои лжесвидетельства в жизнь».
Но дети не примут и в клочья
неправые вирши порвут.
И если ты глуп — захохочут,
а если умен — проклянут.

29 октября 1961

МАЛЬЧИКАМ

Перестанут умничать юнцы,
превратятся в практиков и циников
и внесут в анкетные столбцы
продвижение в чистоте и чине;

вступят в караул надежных вер
верной и неумолимой стражей.
Будет и завет их и совет
Добреньким, проверенным и страшным,

И они юнцам, отвергшим зло,
тем, кто не прощает и плошает,
поднесут площадные точных слов
и — на утешенье — танцплощадность.

(Все б им беспокоиться, юнцам!
Все бы мельтешить им и мешать им!)
...Опыт беспощаден к «мудрецам»,
опыт снисходителен к мещанам.

Мир прозревших точен и гранен,
и они охочих до протестов
оглушают истовым враньем,
как истцы на ведовских процессах.

... И опять межуют твердь и хлябь,
составляют табель о пороках...
... Только что-то горше стал их хлеб,
что-то им невесело порою.

Может потому, что в зону битв
входит с непреложностью и сметкой
память? Та, что с юности «мудрит»,
И «мудрит» до старости, до смерти?!
30 сентября 1961

Бессонница

БЕССОННИЦА

*Но, к несчастью, не всякому спится.
(Некрасов)*

1

Чьи-то хриплые сны
В одеялах лоскутных...

Я — опять круглосуточный,
Как вокзал, как часы,

Как часы, как пила:
Равномерно шагаю.
И собаки — как я: не кусают,
Но — лают...

Лают... Есть у бессонниц
Записной узелок,
Заставляющий вспомнить
Каждый грех под залог.

Под залог — под неблизкий
День расплат; под залог
Дня стыда. И расписка:
Имярек. Узелок.

Узелок — словно токи:
К столбняку через дрожь...
... Это время итожить
Даже малую ложь.

Ложь безделия, ворох
Скорописных филиппик...

2

Ты не вовремя, возраст непрощенья
ошибок.
Мне б, как кадрам, меняться. И грешить.
И — засим,
Как тогда, умиляться строготе епитимий.
Мне б умиленной грусти. Или гордости
бразной:
Что, не названный груздем, в кузов лез
я отважно.

... В керосине и спирте «эта ночь».
«Этой ночью» не спится нездешней,
И, конечно, негрешной.
Все расплылось, распалось. Стало
ясным признание,
Что грехи— это пакость под чужие
закланья.

3

Поручите заборам
Заботу о вашей сохранности!
Поручите собакам
Охрану золотых и молочных телес.
Понесите сквозь лес
Теплоту ваших сонных телес.
Мы пойдем... Не пойдем!
Вы, конечно, так рано не встанете.
Свет в случайном окне —
Как в стекле закопченном фитиль.
Мы пойдем до созвездий,
Сокрестий могил поименных
Собирать материал для элегий.
Не выйдет с элегией: в пыль,
В равнодушную пыль
Превратятся слова непреклонно.

Буду клясть себя. Буду
Виниться в пороках себе.
А потом оправдаюсь,
Как водится, — складно и ладно.
Невозможно ж: в одном
Два миллиарда обид и скорбей.
Я не плакальщик: нету
Во мне этих двух миллиардов.

Есть иные могилы...

Я в плену этих тем.
Я толку свою ступу...

4

*Придут замученные ими.
А. Блок*

Эти темы — как тень:
Неотступны...

Если поднялись бы, если бы встали,
Если б открыли, как люки, могилы,
Мы предъявили бы веское алиби:
Малы мы были и глупы мы были.

Нет, а мы и в самом деле были тогда ребятами,
Октябрятами. Очень забавно и трогательно.

Если б открылись могилы, как люки,
Если бы встали и вышли воскресшие,
Если бы эти воскресшие люди
Нас по-отцовски спокойно утешили, —

«Ладно, — сказали бы они нам, —
вы тогда были ребятами,
Октябрятами. Вы не очень виноваты...»

Веское алиби мы предъявили бы,
Твердо сказали бы, глядя в глаза им:
Это — вы сами царей сотворили,
Сами и пали от рук помазанников.

Все эти здравицы и славицы мы пели из пятых уст,
А первыми устами были ваши...

Глупы мы были и были мы малы —
Вот оно, алиби, самое веское:
Мы не в ответе за папу и маму.
Мертвые ж сраму... Ну, это известно.

Значит заметано! Никто не в ответе.
Если бы вышли воскресшие, встали,
Если б спокойно пришли к нам сегодня,
Мы не подумали и не сказали бы —
Мы бы склонились в поклоне сыновьям.

Если б открылись, как люки, могилы!

5

*Уведи меня в стан погибающих.
Некрасов*

Давай постараемся разобраться.
Конечно, это не так просто,
Но все-таки — постараемся разобраться.

Я понимаю, что выглядит поздним
это ненужное откровенье,
что неизбежны и жесты, и поза,

жесты и поза, как в стихотворенье,
в каждом таком разговоре под случай,
жесты и поза — в таком откровенье.

Вот что меня беспокоит и мучит:
кем бы хотел я быть — евреем или немцем
в самом начале минувших мужеств?

Конечно, не немцем, когда конец им
был неизбежен. Когда влезали
они в могилы, — конечно, не немцем!

Но кем бы хотел я быть вначале,
когда и жерственность, и геройство
были позором, болью, печалью?!

Вот моя мука. Мое — беспокойство.

Я буду цифирным и точным статистиком.
Сейчас в Германии в семь тысяч раз больше,
чем в годы фашизма, антифашистов.

И, как любят писать у нас, в маленькой Польше
сейчас по сравнению с сорок четвертым
коммунистов в семь тысяч раз больше.

. . . . .
. . . . .

Так и живем. И небесную манну
сыплют нам тучи. На крайний случай —
мы — недородки и жертвы обмана

жертвы почившей в бозе тучи.
... Память чужая штампует, как график,
Круглые рамки затянутых туго

Петель. И в черном овале — багровы
Лики щербатых печей-людоедов.
Это не нам. У нас — нет биографий.

Перечень вздорных шлепков и пощечин,
мелкие сдвиги, неровности судеб —
все это стало дорогой к почету,

к тихим, до грамма развешанным суткам.
К праву кого-то порочить, и к праву
быть неспорчным и быть неподсудным,

к праву на праведность, к праву на праздность,
праву не кланяться — лишь поклоняться
для соблюдения неписаных правил...

Чувствуешь привкус дурных декламаций
наших с тобою обид — но не вышло?
Чувствуешь привкус дурных деклараций?

Знает всенижний и знает всевышний
сколько рисовки (как роль — а не клеится!)
в этих обидах на мог, да не вышло.

Время придет, и все это изменится.
(что-то когда-то должно измениться!),
и соберутся мои современники,

третье лица, но все-таки лица,
и задымится беседа родителей
умная, чуткая. В ней прояснится

то, что они это раньше предвидели:
смену эпох, тра-та-та, поколений,
то, что они не щадили, как рыцари,

силы свои для подобных свершений
(«Помните: я!» «Помнишь же: я»,
«Вот и дошли, так сказать, до вершины»...)

Я появляюсь, сигарету жуя.
Мое появление будет явлением:
явление сто третье. Те же — и я...

6

Дорогой мокрой и косою
Пройди к себе, минуя бор.
Не спит соседний двор. Как совесть,
Как съемки ночью — этот двор.
... Там в потайной траве осталось
Желанье взвиться и лететь.
Полет, и легкая усталость —
Как паутина на лице.
А здесь — заземлена по нотам
Варфоломеевская ночь.

И режет кур, как гугенотов,
И точит правоверный нож

И петли вяжет под покровом
Ночей хозяйственных — один
Созревший с детства для погромов
Историк, истый семьянин.

Их нет, ночей заспинной пики.
Но, притаившийся, как шпик,
Он ждет, поклонник сала (шпига)
И не поклонник силы шпага.

Он ждет восторженно. И столько
Томленья в ожиданье дня,
Как согрешившую весталку,
До срока в землю врыть меня.

Когда-то, глупый, неплечистый,
Да чистый — чтоб не гнуть хребет,
Себя к Истории причислил,
Потом — Историю к себе.

Защита ваша и опора,
Как вы, разноречив и крут,
И лжив — бобы и травополье.
Любое — культ и антикульт.

Сегодня в про, а завтра в пропос
Усердный, липкий, что магнит.
Он вас сведет в любую пропасть,
Толкнет — и оком не мигнет.

Пока свинью лишили прязи,
Ножа не дали палачу.
Но режет он и мажет фразой,
Как паутиной по лишу.

Как кур, зарезать протестантов
Лишенный сил, он, зол и хмур,
Ночами, с подлинным талантом,
Как протестантов, режет кур.

В своем бессилье неутешен,
Он прост (пока). Смотри: сейчас
Он сало жрет и водку хлещет
И прячет трешку — про запас.

Забрезжил рассвет. Так в былые века
писали поэты. И, ветки сугуля,
на соснах всей тушей висят облака.
Стыдливо. Как нижние юбки — на стуле.

И разве увидишь пророчество бед
в том факте, что небо — как ситец пестрится,
что север стерильно и влюбчиво бел,
а запад наряжен в лубочные ситцы,

что воздух склоняет (но поздно!) на сон,
что ветер опять неуютен и колок,
что крыши горят, и что я отчужден
от этих взаправду картинных буколик.

И вот сквозь неясность, сквозь белиберду
Приходит некстати ненужная ясность,
чтоб снова уплыть. Как, простите, во рту
сейчас уплывут деревенские яства.

Я вновь в ореоле следящих колец
табачного дыма. Я жду лишь сигнала,
чтобы выйти один на один — без коллег
под теплые взгляды юнцов небывалых.

Мне надо, чтоб голос просил и проник,
чтоб сделан был выбор: корыто иль качка?

Пусть мне неизвестно, что лучше для них,
но надо мне верить. На слово. Пока что.

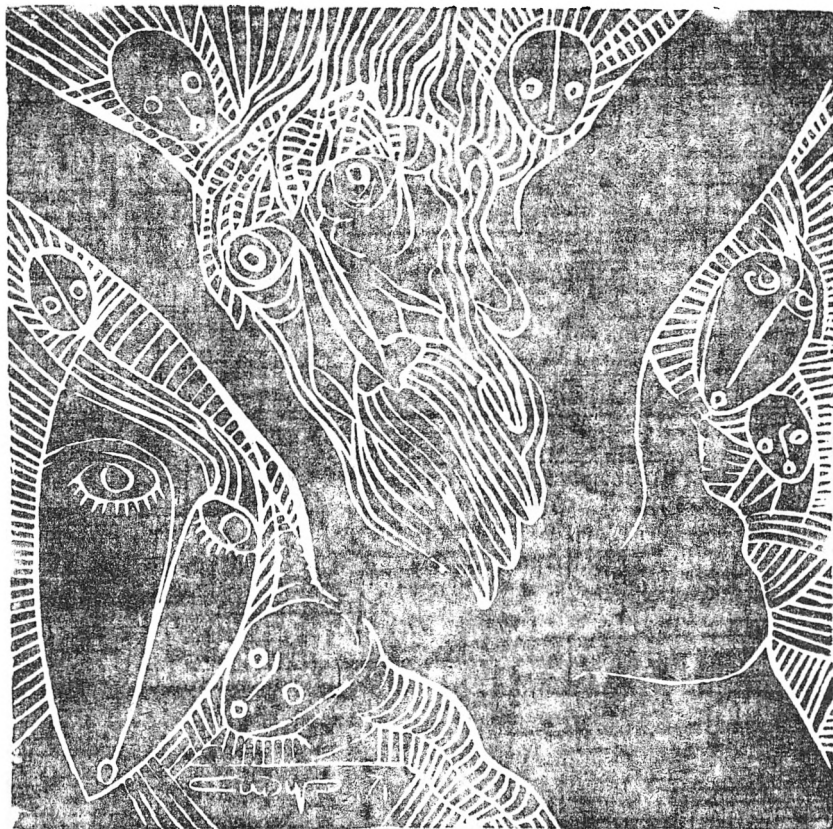
Пусть мне неизвестно искомое зло,
Но я разузнаю — скажу без обмана.

(Когда не хватает нам трепетных слов,
бестрепетных много, как в мнимых романах).

А эти слова — на зарплату права.
За дверью сидят терпеливые дети.
Я дверь распахну. И повиснут слова.
Бесстыдно. Как нижние юбки при свете.

25-26 сентября 1962

Зеленая Роща

Еврейские мелодии

ИЗ ЦИКЛА «ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ»

1. МЕЛОДИЯ

Желанна или нежеланна,
Но ты, презрев дневной галдеж,
Как дождь, возникнешь из тумана
И захлестнешь меня, как дождь.

Как огонек безлюдной степи,
Меня, обманная, маня,
Ты возведешь в иную степень
Немузыкального меня.

Меня мелодия завертит,
Как ветер — горсточку золы,
Я буду в этой песне ветра
Песчинкой, поднятой с земли.

Лечу! И значит: вон из кожи,
Вон из себя, из пустыков,
Из давних, на стихи похожих,
И все же якобы стихов.

И мне, песчинке безызвестной,
Звенеть, как струнам камыша,
И в этом созиданье песен
Мне будут все и вся мешать.

Мешать приток чужих эмоций,
И громный чужеродный залп,
И даже этот милый Моцарт,
Что слишком вхож в концертный зал.

Я буду верен новой вере,
Я буду все ломать, менять!..
И вдруг пойму, что я — Сальери,
Что ты уходишь от меня...

28 июля 1961

2. СОН О ПЕГМАТИТЕ

Этот камень — словно камень пробный.
Ты не знаешь, прочный он, не прочный.
Ты его не видел, не видал,

ты в его узоры не вплетал
свой узор — автограф очевидца.

Но опять бессонной долгой ночью
ты прочел, прочувствовал воочью
эти буквы, строгие, как лица.

Прочитал? И понял? Не пора ли
кончить затянувшийся привал?
Ты по камню, как по книге Брайля
пальцами незрячими провел.

Ты пришел усталый, мокрый, грязный,
и тебе, паломнику времен,
вдруг открылась правда тех безгласных
гласных, как история, письмен.

Ты прочел? И понял? Не пора ли
кончить затянувшийся привал?
Ты по камню, как по книге Брайля,
Пальцами прозревшими провел.

Лживые, красивые, как боги,
письмена (а, может, древний стих?).
Так бреди по шпатовой дороге,
ты же сам хотел по ней брести.

Буквы собираются, как в танец,
как в молитву, — в заунывность слов.
В небо, бело-синее, как талес,
прячет камень старческую плоть.

Ты пойдешь по ровню, по равнине,
где-то от сегодня в стороне.
Нудной, словно проповедь раввина,
Долгою дорогой к старине.

А опять почувствуешь усталость —
Набирай дыхание — и лети!
Будет не привалом, а штурвалом
Мудрый и ворчливый пегматит.

Нет. Не будет. Ты не легковерен.
Будет сон. И, может быть, сквозь сон
Ты увидишь гибель Маккавеев
В гибели обветренных письмен.

28 июля 1961

3. ЗАРУБАБЕЛЬ

*Не обижайте пришельцев, ибо сами
вы были пришельцами на земле
Египетской.*

(Библия. Исход)

Пришельцы на земле Египетской
и из земли чужан ушельцы!
Куда ведут вас? К счастью? К гибели?
На пьедестал? На дно ущелья?

Нет. Властвуя как над рабами
и указав: безработство — цель,
им все поведал Зарубабель
на арамейском языке.

Идут в нестрой печальных, сонных,
идут в молитвенной тоске,
и их подошвы топчут солнце,
и тени сонмищ на песке.

Идут, в разноязычной речи
свои молитвы утопив.
Дойдут и опояшут реки
продольным поясом толпы.

А чтоб дошли и не упали,
чтоб шли скитальцы ночь и день,
ты лги, ты лги им, Зарубабель,
про Палестину, про Эдем.

Пускай их движет наважденье,
пусть наводнят они пески!
Ты только право на вожденье,
как груз, до времени не скинь.

А доползут, дойдут, долезут
и превратят Эдем в прилавок, —
ты сгинь, ты стал им бесполезным:
устаами жреческими Эзры
им Ягве даст рабов и право.

Вчера рабы, забыв заветы,
теперь возьмут себе рабов.
И плач пришельцев безответных
вплетется в их фольклорный рев.

Живя с приплодом и с рабами,
откроет вещей фарисей,
что вел не ты их, Зарубабель,
а бог и с богом Моисей.

Тебя в степи в победном гаме,
швырнут на землю — в грязь и пыль,
и там казнят тебя камнями
слепой и взмыленной толпы.

Толпа! Ты будешь за камень,
за оскверненный Ханаан
пришельцем горьким в поколениях,
в земле неласковых чужан...

28 июля, 1961

4. ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМУ

За дощатой — почти не стенкою —
от тоски или просто так
вдруг заплакала скрипка Стемпеню —
первозданная простота.

И прикованы горькой песнею,
словно рэбий услышав цыг,
перестали потрясывать лейсами
синагогии мудрецы.

И как будто бы поманили их,
будто можно их поманить,
замолчали пророки в библиях,
и бунтарный замолк Маймонид.

Пела скрипка давно забытое,
пела горькое: оглянись,
не задавлены ль сытым бытом
первочувство и первомысль?

Пела долго, пророча кару,
канифоля смычок сутылый.
А потом укрылась футляром
и уснула...

И надолго замолкли жалобы,
и пророчества замолкли...
Только дождик стучал по желобу,
и случайные люди мокли.

И, образованные, завыли
те, кто сыты и знамениты.
И опять гундосили библии,
заглушая хрип Маймонида...

1959

5. ЮДИФЬ

Изменами измены породив,
плывут века...

Но что — Азефы? Хуже
и памятней — донос жены на мужа,
поклеп сестры на брата, жесткий гриф
безумной лжи, тупого простодушья...
...А ты — у колыбели их, Юдифь!

Но что же натворила ты, Юдифь!
Земля и небо, лебеди и гуси
поют один, назойливый и грустный,
не ждущий продолжения мотив:
«Зачем ты это сделала, Юдифь?»

Зачем ты это сделала, Юдифь?
Из злобы? Из коварства? Для идеи?
Или для счастья робких иудеев,
которые ликуют, не простив
тебе своей трусливости, Юдифь?

Зачем ты это сделала, Юдифь?
Чтобы оставить борозду в преданьях?
Или чтоб стать праматерью предательств,
вонтельную кровью напоив
свою гордыню бабью, Иудифь?!

Зачем ты это сделала, Юдифь?
По зову мод рядились наши жены
в доспехи непощенья, в клики Жанны,
зачем они родились, забыв:
они пришли в сей мир — любить, Юдифь!

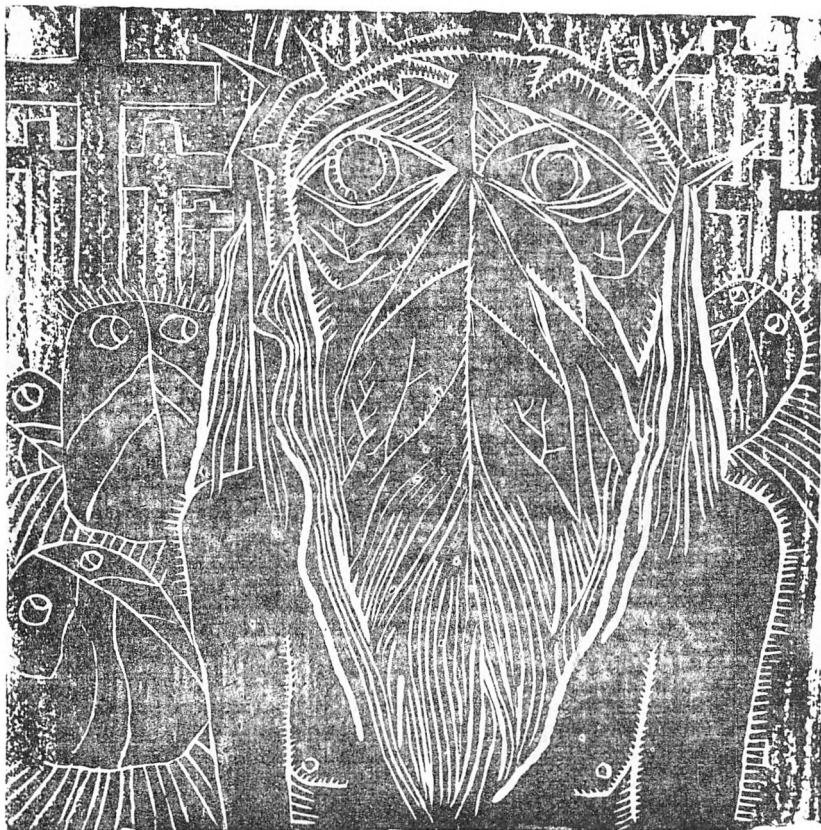
Зачем ты это сделала, Юдифь?
Ведь если ты оглянешься, наверно,
увидишь, как по трупам Олофернов
толпа уродиц жадно лезет в миф,
а ты была красавицей, Юдифь!..

Зачем ты это сделала, Юдифь?
На мрачный подвиг от доуки зрясь?
А может, восхищение и зависть
в нас, неспособных к подвигам, вселив,
ты нас звала к оружию, Юдифь?

Но мы не можем. Мы больны.

30 марта 1963

Книга Иова

КНИГА ИОВА

(фрагменты)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мне б знать, что что-то, но умею!
Но вот беда: не обессудь —
С годами все острее не смею
Считать искомое за суть.

Мне б знать, что мне доступна малость.
Но вот беда — насмешник-крест,
Болезнь моя: к разряду «смелость»
Попытку смелости причесть.

Так уж весомо, так уж надо,
Так уж предписано — твердить:
«Не ошибиться бы разрядом...»
«Не обмануться б...», «Не схитрить...»

И не постыдно ли стремленье
Считать искомое за суть
В моем заветном убеждении,
Что обмануться — обмануть?

Ты скажешь с привлечением хроник
Моих поступков, как пророк,
Что я — и не такой уж скромник,
Что оговорки — тоже роль.

В твоём реестре, в точном тексте,
Безоговорочном, как страж,
Все будет правдой — правдой тех, кто
В моих писаньях видит блажь.

Все будет правдой — не подспорьем —
Тех, кто не верит, как ни брось,
Что я пишу — как с вами спорю:
Косноязычно, на авось.

Ну что ж, твоих реестров точность,
Твой хроникерский строгий пыл
Поможет мне по мере сил
Бежать от ложных многоточий...

Поверь, не с жаждой причаститься
К судьбе чужой пушусь я вдаль.
Поэма, — если состоится, —
Моя поэма. А твоя ль —
          не мне судить.

27 июля 1965

ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬ ЗАМЫСЕЛ

*«Ведь не с любым и каждым может
случиться история...»*

Т. Манн

Был год. Был подлый жесткий год
Сплошных: «А помнишь?»
Год — забот
ненужных, жалких, как гостинцы,
Год не невзгод — когда б невзгод!
Год ощущение: загостился...

Какой был год! Не год — а тень,
Намек на беды. Ели, пили
И пели, плакали — затем
Чтоб после вспомнить: жили-были

Когда-то, в подлый жесткий год,
В год-пересмешник, пересменок,
В год соучастия в изменах, —
В год не невзгод — когда б невзгод!

Какой был год! Год-не-у-дел,
Но год усталости обманной.
Он притворялся меломаном,
А музыки он не терпел.

Он, как прислужник, спину гнул.
Он щелкал пробками, как плетью.
Когда б не воробьи и дети,
Он все б на свете зачеркнул...

Какой сырой простудный год!
Как было мизерно и худо!
Год жил не ожиданием чуда
и не невзгод — когда б невзгод!

Год был обманчивым клубком.
Он пел, мотал — и закатился.
Он честен только был в одном:
В злорадном факте: загостился.

Он даже шел на срыв, на слом,
Но это было той же ложью,
Как смелость тени под подошвой,
Как стойкость радуг — под веслом...

Он тихой был сродни реке:
Мутил — не строил и не рушил.
Он мне нашептывал, что дружбы
Куда как лучше — вдалеке.

Год был сродни реке: он плыл,
Мутя.
Он полз улиткой,
И на обидках, на завидках
Меня торжественно ловил.

Он воздвигал глухой забор,
И за забором без притворства
Подчеркивал мое сиротство
На людях и с самим собой.

Год был сродни реке, и плыть
Мне, утлой щепке, не мешая,
Он заставлял, печаль смещая,
Меня юродствовать, смешить.

Какой был скверный жесткий год!
Как он мельчил мои усилия!
Он доказал, что жили, были,
Гостили в глупостях забот,

А не невзгод — когда б невзгод! —
И загостились...

ИЗ ИСПОВЕДИ ИОВА

Сейчас, отбыв известный срок,
Я объявил [не дописано]
(Как можно громче!), что не Бог,
А Сатана во всем виновен.

Меж тем, что есть и было, — прочно
Сейчас воздвигнута стена.
Я возгласил, что Сатана —
Совсем не факт, что Бог — порочный.

Я жил и был, не заслужив
Ни рая своего, ни ада.
Я вправду — был, я вправду — жил,
И тайна горьких результатов
Есть таинство той правды лжи.
Горькое мое прозрение — правда,
Тайна, в которой я замуровал его, — ложь...

ЕЩЕ ОДНО ПОСВЯЩЕНИЕ

П. Я.

У непридуманной беды
Есть все права — до слова злого,
До права учинять суды.
Прости — не мне судить Иова.

Совсем несложно объявить,
Увидев что-то с полприщура:
Страданья — та же синекура,
Точнее, право ею жить.

Ты вправе ль, гордый человек,
Иметь хоть малое сужденье,
Когда от боли, униженья
Стонал не ты, а имярек.

Ну, скажем так: не улеглось
Сознание страшного несчастья,
В котором жертва — соучастник.
Все так, все правильно. Но злость —
Не правдолюбец и не пастырь.

Ты вправе ль, зависть затая,
Искать улики для прошедших
Сквозь муки и покой обретших,
Вернувшись на круги своя?
Есть точность фактов бытия.
Есть факт беды. Факт крика. Крови.
А что да как — судить Иову,
И я Иову не судья...

Ложь — роль правоверного простака, вышедшего из горнила страданий, и так далее, очищенным и укрепившимся духом, и так далее, и так далее...

Средь пашен тучных и лугов,
Среди коров и тучных пашен,
Жил я, Иов, был я, Иов,
Как Кочубей, богат и знатен.

А тот, кто знатен и богат,
К тому ж живет с эпохой в ногу,
Тот, слава богу, славит бога,
А потому богат стократ.

Ложь — цель моей жизни: не извинить, не оправдать, а доказать якобы величие Иовов, сделавших своими руками все для того, чтобы их судьба была возможна!

Несчастный опыт мой — правда.
Ссылка на него — ложь.

Что вы можете противопоставить моему несчастному опыту? Слова? Точки зрения? Я, Иов, а не вы, имярек, перенесли немые страдания, и так далее, и вот я вышел из них. И дух мой укрепился, и так далее. И я говорю: во всем случившемся виноват не Бог, не идея Бога....

Позднее кредо Иова

Я сам свой Бог. Но слабый, вздорный Бог,
Издерганный, юродивый, убогий.
Не дай вам Бог — любить такого Бога,
И быть, как Он, — не приведи вас Бог.

Я, верно, Бог. Порочный, жалкий Бог.
Но если я и вправду Лик пречистый —
Так дай вам Бог быть мирным атеистом,
А Богом быть — не приведи вас Бог...

Я, точно — Бог. Бессильный в толчее.
По логике смещения четких граней
Музеи нынче обитают в храме;
А боги обитают в толчее.

Прости меня за манию величья,
Но божьего величья нет в судьбе
Карать себя и отпускать себе
Грехи — прости за манию величья.

Но божьего величия — карать —
Не пожелаю ближнему: не смею
Желать ему таких шахсей-вахсеев.
Не дай вам Бог — как Бог, себя карать.

Не дай вам Бог — прощать себе грехи,
Не дай вам — непощенья опасаться.
Не дай вам Бог — до Бога опускаться:
До отпущенья собственных грехов.

Я — только я. Бог — это только Бог:
Гордыня непомерная и горесть.
Не дай вам — уповать на божью совесть,
И жить ей вопреки. Не дай вам Бог!

Я, СЛАВА БОГУ, СЛАВИЛ БОГА!

*«В земле Уц жил Иов, человек бого-
боязненный, непорочный, справедли-
вый, который удалялся от зла...»*

Пред тем, как случиться горю,
Горе было — да не про нас.
Было Кредо и было Глория,
Нараспашку и напоказ.

Было Кредо, как овьше велено,
От сознанья, что должно быть,
Потому что, как с верой — с «Верую!»
Иовам легче и честно жить.

Было Кредо. До самой малости.
До распетых без фальши строк.
Ибо: как же без божьей милости,
Если Бог вдруг — на деле Бог?

Было Кредо. Но — светлое. Чистое.
(Верю в что-то — так в этот свет),
Потому что еще не замыслили:
«Славлю Бога, но Бога нет...»

Было Кредо. И было Глория.
С умиленностью на лету.
Унижение паче гордости,
К счастью, гордость не на виду.

Было «Славься». Всечастно, пагубно,
В назидание лже-Фомам,
Разливался медовый — якобы
Бессеребряный фимиам.

Было «Верую!». Было «Славься!»
До распетых без фальши слов.
Ибо: как же без божьей святости,
Если Бог вдруг — и вправду — Бог?!

Мы прошли через ложь и обыденность
С невозможностью скрыть, но скрыв,
Что в размеренных наших гимнах
Что ни нота — то лживый миф.

Боль тяжка. Но когда камень —
Подаяния щедрых рук,
Здесь — расплата. Не за сомненья —
За сомненья без должных мук.

* * *

Есть честный страх: в текучке лживой,
В такой-то месяц, час, число
Вдруг променять на живость слов
Живую боль и душу живу.

Быть знатоком словесных дел,
Лихим в литье аллитераций
Куда как проще, чем пробраться
К людскому лиху, чем отдаться,
Чем сжить себя в людской беде.

Уходит доброта — куда?
Куда впадает? В злую скуку?
В немилость? В острословье? В скупость
На милость? В щедрость на удар?
Куда уходит доброта?

Чужое — просто сокрушить:
Легки — чужие крах и сломы...
Как мало смысла — много злобы
На нашу маленькую жизнь!

Так ль слово «жалость» — скверный тон?
Так ль уж постыдно слово «милость»?
Вы их превыше, ваша милость,
Я — ниже! И стою на том!

Еще и то: сознание — суд.
Суд над собой. В самосудействе
Ни каламбур, ни лицедейство
От «есть ли в поле?» не спасут.

Необязательность изъятий
Есть смена лжи и почестей.
Вот вам пример: с изъятием ятей
Слова не сделались честней.

И с сокрушеньем слов и чисел
Не рушились свои мосты.
И ложь, что смелые мазки,
Есть чистота и смелость мысли!

Слова! Слова!.. Весь этот хлам —
Но соучастье ль, друг Гораций,
В постыдной смене декораций
И париков — без смены драм?

Есть страх из страхов: не прилгнуть,
Не лицедействовать б! Известно ж,
Как легок до Голгофы путь,
Когда уверен, что воскреснешь.

Да не простятся никому
Иль мне хотя бы не простятся
Соблазн сезонного страдальца,
Соблазн героя на миру!

Есть просто — не сложилась жизнь.
А есть — о жизненном пространстве.
Есть сказ о лжи и постоянстве.
А здесь — о постоянстве лжи.

— Поймешь ли? — Понял. И тогда
Пойду и к финишу — не к цели,
Приду, заброшенный, как церкви.
Не загостился ль? Вот беда —
    Не загостился ль?

*Господь — Сатане: «Обратил ли ты
внимание на Иова...»*

Я знаю цену льстивых слов,
Но я хотел бы верить в цену
Затверженных бесстрастных слов,
Не предавай меня, Иов!

Пусть обещание измены
В потоке их бесстыдных слов —
Пускай! Не мне ль знать им цену!
Не предавай меня, Иов!

Ценой предчувствия измен
(в их раболепности вассальной
все — почва будущих измен)
Плачу за слабость быть всеильным,
Творить и рушить, чтоб затем
В их раболепности вассальной
Увидеть признаки измен —
И все за слабость быть всеильным!

В затверженности льстивых слов
Всегдаготовность измениться.
Я так хотел бы обмануться
В цене бесстыдных льстивых слов.
Не предавай меня, Иов!
Мне страшно знать изнанку слов.
Мне невозможно не взмолиться:
Не предавай меня, Иов!
Я обессилел от чудес.
В минуту слабости всеильной
Я, обессилев от чудес,
Готов идти дорогой пыльной,
Готов принять земную плоть
И на юдоль земного люда
Сменить бессмертие небес.
Предать забвенью чудеса,
Забуть самую возможность чуда,
Простить, что в их потоке слов
Не ожидание Христа,
А ожидание Иуды.

Я отдаю возможность чуда
За чудо — хлевное тепло,
И право высшего суда —
За перебранки, пересуды.
Я знаю цену льстивых слов,
Но я б хотел презреть их цену,
Забить бесстыдство и измену;
Сменить на хлевное тепло,
На перебранки, пересуды
Бессмертье и возможность чуда.
Но, бог и раб бесстрастных слов,
И я не вправе измениться;
Мне остается лишь молиться:
«Не предавай меня, Иов!»
1964—1965

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ИМЕНЬЕ РОДОВОМ...

(Дочь губернатора!
С чего бы ей? А — вот...

«В последний раз на беду — безлунье.
И дерево бормочет как колдунья»)

Идет отсчет пророчеств и проклятий,
Привычный, надоедливый отсчет...

(«И ветки распростерлись, как распятья...
Не все ль равно — тюрьма или эшафот?»)

А для чего? Зачем идти на крест?
Зачем тебе — в огне, в крови, в железе —
унылый мир, где каждый чист и Крез
и все поэты пишут «Марсельезы»?!

И то сказать: на взвинченном пути,
где весь словарь улегся в слово: «порох», —
есть авторы листовок. Есть статьи.
Но нет поэтов. И не жди их скоро.

И горько знать, но, если бы не казнь,
и если б старость — в охах, вздохах, склоках —
ты только и сумела б, что проклясть
паденье нравов и ненужность Блока.

Идет отсчет. И цель, как смерть, проста.
И далеко. И не дожить до Блока.
И, стало быть, такая есть дорога,
есть путь **такой**: поверить в смерть, как в Бога,
и так же: до конца и до креста.

Но ты прелестна. Только в этом суть.
Ты — женщина. И правда только в этом.
И надо жить. Жить и сберечь красу
куда трудней, чем игры с пистолетом.
За что ж — тебе? За тяжкие грехи?
За что твою прославят душу живу
не светлые и робкие стихи,
а боговдохновенные призывы?

И сколько надо Церквей на крови,
чтобы понять, отбросив прочь химеры,
что смертоносна вера без любви,
как не спасает и любовь без веры!

... Запущены, подобно колесу,
необратимо: «выстрел...», «порох...», «бомбы...»
Идет к концу намеченный отсчет.
А ты красива. Только в этом суть.
И ты себя готовишь к гекатомбам.
И все равно: тюрьма иль эшафот.

... В последний раз — безлунный час Вселенной.
И дерево бормочет. Зябнет пруд.

Они чисты. Они чужды измены.
Они просты. Они аборигены.
Они утешат. Если не спасут.
Доверься им...

...Но зов предельно весок.
И пахнет смертью. Всюду гарь и тлен.
Горят глаза у бесов и балбесов,
решительных — до первых перемен.

И с динамитом — к равенствам и братствам.
И все как было: только смертью смерть.
И нет пути. И вытерпеть — пилатство.
И святотатство — если не стерпеть.
И не уйти. И мир пропитан тленом.
И нет пути. Идет к концу отсчет...
Но — лучше так: пока не на коленях
и все равно — тюрьма иль эшафот.
И лучше — так. Пока не победили,
пока к присяге не пришли умы,
пока твой друг, мечтающий о крыльях,
не бьется над созданием Колымы,
пока поэтов не ведут к тричастию,
пока ни вздохов старческих, ни склок,
пока стихов еще не пишет Блок,
и не замучить вам его, по счастью,
пока у «Марсельезы» чистый звук,
пока твои друзья честны и чисты,
пока твой друг не маршал, не министр,
и твой палач — не твой вчерашний друг...

... А время каменеет. И у фраз
нет свойства передать из давней дали,
что люди жили, мучились, страдали,
а не свершали действия напоказ.

Нет горечи и боли у речей.
Я думаю, что если б не картины,
мы вряд ли ужасались гильотине
и братски полюбили б палачей,

И оттого, что смысла в слове нет,
а правда только в стоне, крике, кличе, —
поклонники заплечного величья
плодят кумиров и куют венец.

Я, знаете ль, не против горных рек —
свободная и гордая стихея —
но мне Ока милее Енисея
и, в сущности, я тихий человек.

Как лето ленью пахнет! Вот теперь
забыть бы все, перечеркнуть, как шутку!
Но нет пути: стерпеть иль не стерпеть —
как выбор меж пилатством и кощунством.

Не вытерпеть — на злобе и неверье
построить мир, где каждый чист и сыт.
А вытерпеть — за счет чужих обид,
чужого крика и чужой потери.

Ах, слава Богу, мы не Робеспьеры,
но почему должны терпеть мы стыд?
Не вытерпеть.

Пускай грядущий толк
тебя хвалой или проклятьем метит.
Когда-нибудь родится мудрый волхв.
Он все поймет — но не заплатит смертью.

А ты — заплатишь, и грядущий суд,
как всякий суд неправых и несмелых
судить не вправе.

Завершен отсчет.

Ты — женщина. И только в этом суть.
(— Дочь губернатора... Казалось бы!.. А — вот!
И ты прекрасна. Только в этом дело.
(— «И все равно: тюрьма иль эшафот...»)

*Июнь, 1968
Требужены*

* * *

Ну, как не знать!
И все же — в это лето,
в очередной осмысленный побег,
я по-иному ощутил нелепость,
которой жив нелепый человек.

И то — побег! И разве кануть в Лету
и убежать подобия страстей,
когда ни чистых глаз анахорета,
ни мудрости угрюмых рыбарей.

И в эти дни, без воплей, без бравады,
я понял: есть предельная черта.
За ней нельзя нелепость и неправду
встречать опять ужимками шута.

Спасибо, южный город отчуждения,
за равнодушный, праздный твой уют.
Я ощутил до богооткровенья,
что я погиб. Что лето — не спасенье.
Что воробьи и солнце не спасут.

Я в это лето пролистал страницы
пророческих косноязычных книг.
Они открыли мне, как духовидцу:
пророков нет, и ты давно погиб.

Ну как не знать! Но только этим летом,
но только в отчужденье, в этот зной,
я понял: мне отпущен, как поэтам,
лишь выбор между чернью и чечней.

И дело здесь, пожалуй, не в утратах,
не в том, что нечто обратилось в прах,
что прапорщик, блистательный когда-то,
ты тянешь ляжку в вечных унтерах,
что что-то сбилось и сдалось на милость,
что надо лицедействовать и лгать,
что что-то не сбылось и не случилось
(не написалось, надо полагать!)
что все — из рук и с тем пребудет, видно,
и так живешь уже который год,
что жаловаться книжно и бесстыдно,
а гордость клоунадой отдает,
что я не белой кости и не касты
особенных и что в моих устах
простая горечь, скорбь Экклезиаста —
расхожий лозунг, чуть ли не устав,
что даже сокровенные идеи —
масонский знак обличья высших каст,
что горстка православных иудеев
потешится, а там — глядишь — предаст,
что спор и крик давно отлились в окрик,

в высокий жест и в барственный приказ,
что каждый раз рассказ у нас — апокриф,
что все давно невесело у нас, —

а в том, что возвращенье к полубедам
заведомо таит в себе побег.

Что не сбежать. Что нет тебе побега.

Что просто ты нелепый человек...

Когда-нибудь (не вечно же тщета

соединенья бардаков и бардов)

наступит час Нестрашного Суда.

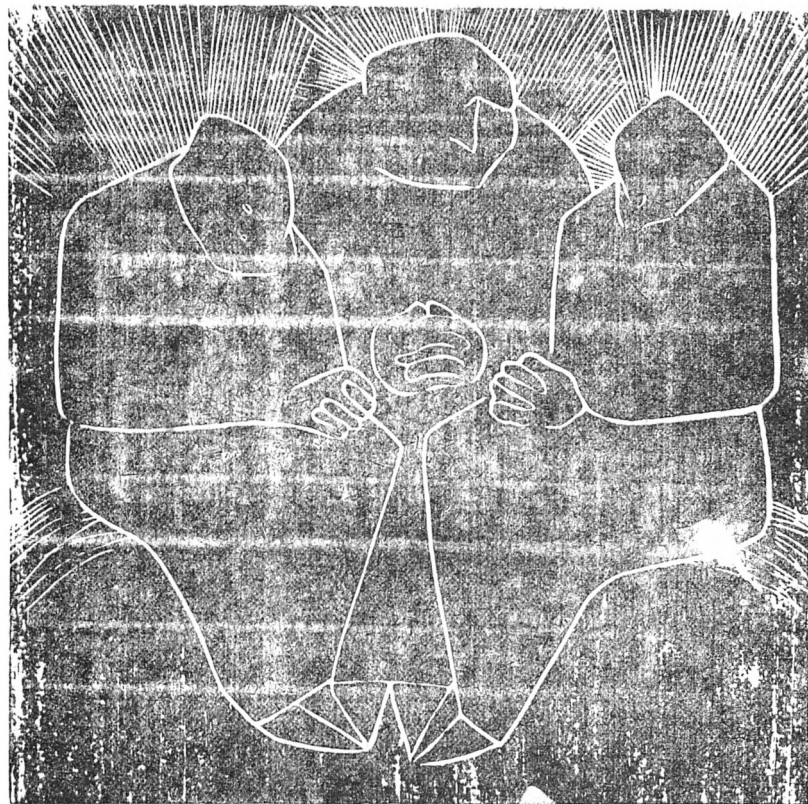
Но ты найдешь подобие щита:

ты примешь суд с ужимками шута,

со скованной развязностью бастарда...

29 июня, 1968

Трехбужны

ВОЛХВЫ

ВОЛХВЫ

*Волхвы не боятся могучих владык
и княжеский дар им не нужен.
Правдив и свободен их вещий язык...
А. Пушкин*

*... Не сниться вашей мудрости,
Гораций...
Шекспир*

I

Есть в сморщенных страницах старых книг
сыпучая дорога из потемков,
неверная, как преданность котенка,
непрочная, как ласковость владык,
и, может быть, звучит излишне громко
правдивый и свободный их язык,
он, может, слишком клич и клишом крик,
и слишком вещь — в расчете на потомков,

Но им не нужен щедрый дар владык
они честны. И обещают только
неверную дорогу. Из потемков.

И вечный гнев, и вечный прозный крик,
и вечный посох, вечная котомка,
на сморщенных страницах старых книг.

II

Вбольные дни распада чувств и воля,
когда себя теряешь без стеснения,
есть высшее и мудрое прозрение —
есть слово утешительное: волхв.

Когда в пустыне образ свой и след,
и все, чем был, и все, чем есть, рассеешь, —
лишь книжники — еще не фарисеи —
зажгут в окошке путеводный свет.

И ты бредешь с надеждой и тоской
на этот свет, где, с пользой или втуне,
но доброту и мудрость Сакья-Муни
соединяют с мудростью людской.

И ты идешь на кроткий свет окон:
там гордый труд, там можно слиться с теми,
кто честно донесет на наше время:
все донесет до будущих времен.

И ты летишь, простив или не простив
своим утратам, легок и свободен,
на этот свет: так вечна мудрость их,
так их язык свободен и правдив,
так свет в окне их вечно путеводен.

III

Язык псалмов, пророчеств, притчей,
язык мессий, язык заик!
В радищевском косноязычье
ты захлебнулся, мой язык.

Куда там — мой! Ты слишком вещей,
ты слишком праведен и прям,
язык кочевников и вечных
жидов, нахлебников, чужан.

Ты слишком прям и слишком чистый,
в тебе так мало малых слов,
язык наитий и эпистол
изгоев вечных и жидов.

Ты слишком праведный и вещей,
и слишком вечный, как плита,
язык, в котором фетиш — ветошь,
и краски мира — суета.

Ты слишком чистый, слишком скудный
и слишком чужд страстей, язык
первоосвященников и судей,
язык — извечный еретик.

Ты слишком скудный, слишком гневный,
язык — набат, язык — излом.
Что делать рыцарю и деве
с таким надменным языком?

Ты слишком гневный и непраздный,
язык камней, проклятий, бурь,
чужой язык богобоязни,
язык призывов и табу.

Ты слишком скорбен, слишком изгнан,
ты так недобр и слишком дар,
ты слишком мертв: ты слишком избран,
моих прапращуров словарь.

... Зачем мне, не людской, не птичий,
язык надрывного величья?
Как знать, быть может, только в нем,
в радищевском косноязычье,
залог святой борьбы со злом!

Как знать, быть может, только в нем,
во всех возможных измерениях,
во всех лесах, во всех лугах,
из поколенья в поколенья,

хранится летоисчисленье
святых геройств, святых лукавств!
(Льзя ль избежать соединений
таких?!)

IV

Неустроенно, скверно, пьяно
ты затеял последний причал
к неуютному слову: камень, —
к безнадежной вечности скал.

Не историк, а соглядатай,
пытолюбец, а не пиит,
камень сфинкса и камень клятвы,
камень казней и камень плит.

Почему ж, безнадежно зная:
камнем рушат и камнем пинают, —
ты склонился в тоске ночей
перед каменностью Синая?
Потому ль, что дано нам сходство
только с Иродом или юродством;
только с камнем или с ничем?
Потому ль, что угрюмость скал —
кладовая людский исканий?..

... Некрасивое слово: Галгал...
Вечный камень. Бесстрастный камень.

V

Волхвы засмеялись и быстро пошли.
Смеялись и шли. И покинули площадь.
Прощайте, торжественность, подлость и пошлость!

Смеялись и шли. Синагога вдали
смотрела им в спины, понурясь, как лошадь,
потом сиротливо исчезла в пыли.

Но солнце. Но камни. Но этот песок,
палящий как ад. Безнадежность дорог.
Но страх не вернуться.
И таяли шутки.

Прощай, безучастная жизнь недотрог,
надежная участь любимых ублюдков:
и ноги в крови, и одежда в пыли,
и ветер, и версты, и это молчанье —
залог непощенья, решимость прощанья.

Волхвы замолчали. Молчали и шли.
Молчали и шли неизвестно куда.
Как истари водится, солнцем палимы,
по градам и весям плелись пилигримы.

Горела звезда и не гасла звезда.
Молчали. И не было бед не для них.
И не было горя, не бывшего с ними:
нетрудно решиться уйти от любимой,
но как же уйти от занятий и книг?
Но как не бежать от занятий, когда
сегодня зажглась в Вифлееме звезда?!

...Учитель, в безвестности канув, как капли,
Чем станем, учитель, мы? Посохом? Камнем?
Дерюжным плащом? Придорожной листвой?
Мы мирно чуждались и торжищ, и капищ,
мы гордо хранили свое волховство —
так что мы оставим, в безвестности канув?
Хоть искру? Хоть слово? И праведней ль торжищ
чужие смятенья, чужие восторги?
Так что мы добьемся? И чем же мы станем?
Учитель, не будет точить нас раскаянье
за то, что мы предали книги, за праздность
обычных невзгод, за обычность пути?
Учитель, нетрудно бежать от соблазнов,
но также нетрудно в обычность уйти!
Есть кесарь и жосарь. Есть жертва и тать.
И стать им под стать — это мудрость предать.

(Скажи на милость: сердцем прилепились.
А ведь недавно просто жилось, былось —
работалось. И можно ввысь — и вниз,

искать — терять, случайно прилепиться,
а правда рядом: в том, чтоб не лениться
и делать дело. Только в этом смысл.)
...Но что мы оставим, учитель, чем станем,
когда мы исчезнем, в безвестности канем?

...Доносы, войны и возможность,
разрушив храм, вползти к верхам,
и генеральство, и вельможность,
и все, чем жив вельможный хам,
не для волхов: не по волхвам.

В часы обид и в дни напраслин,
в минуты бедствий и напастей,
как ни были б они тяжки, —
есть наш приют и наше счастье:
удел волхов ученики
и книги, рукопись и паства.

Таков удел. И с давних пор
обычность, суетневность, громкость —
один наш страх, одна боязнь!
Но волхв и Ирод? Волхв и казнь?
Да мимо нас пройдет позор
покойной жизни для потомков!

Есть горе, слезы и бесчестье,
неведомое мудрецам.
Но можно ль не открыть лица,
коль есть они и нам известны?

Ведь все свершенья, каждый гений,
в веках оставивший следы, —
преувеличенные тени
пусть проходящей, но беды.

И затаенно — но пребудет
все, что живет для черных буден,
а не для светлого потом.
Как слезен мир и как он труден!
Спасти его. Трудом иль чудом.
И если не волхвы — то кто?

И если ждет нас поражение,
и если, мы исчезнем в тленье, —
то мы узнали боль и гнев.
И только в этом возрожденье,
как в корнях срубленных дерев...

...Волхвы замолчали и поступью бодрой
пошли, и пред ними разверзлась стена.
Горела звезда и не гасла она.

Песок остывал. И учитель и отрок,
как кладоискатель, дошедший до дна,
смотрели на камни с улыбкой и гордо.

Волхвы улыбались. Смеялись и шли.
Пока не дошли и пока не нашли.

И чудом звезды, не сгоревшей, и сирой,
и благовествующей правдой тех дней,
над скверной и злобой, над рожей сатира,
над миром, где счастливы камень и Ирод,
неверное, зыбкое чудо детей
взошло, и не гасло, и правило миром,
его недостойным.

И с первой побудкой
волхвы поспешили в пустынь от обид
и мести, в то место, где горстка акрид,
и капля случайной воды, и минутка
счастливой беседы, и тихая шутка
им стала заменой и трапез, и книг.

Но лучше акриды, чем трусость и стыд.
И лучше пустыня, чем участь ублюдков.

Волхвы не нуждались в щедротах владык.

VI

Не страшась лишний раз повториться,
не боясь показаться смешным,
я ворвусь — вени, види, вици! —
в муравейник, в затишье — к ним.

Здесь предстанет воочию, в действии,
в вертограде значков и систем,
как зловещий итог чужодействия —
обращенный в Бедлам Вифлеем.

Вас прельстила и не простила
суесловья и похвалы,
вас сманила и вам изменила,
Одигитрия ваша, волхвы.

Здесь, на радужном парпете,
словно впихнут в больничный двор,
где патетик и перипатетик
под сурдинку ведут разговор,

череда воркотни и склоки,
непонятиц и общих мест
принимается за высокий
демиургов завет и жест.

Злое чудо Бедлама ловко
обратило всю мудрость их
в странюлюбие по путевкам,
в вольнолюбие среди своих —

муравейника, вертограда
безопасная колея.
Да пребудет мне как награда
опаденье от близких своя!

VII

Зачем вам, волхвы, сановитость?
К чему вам осанка, мужи?

Когда б не боязнь повториться,
не страх показаться смешным,
когда б не испуг опаденья
от близких, когда бы не боль
разрыва, не стыд иступленья, —
я б высказал вам в откровенье,
что школьная дерзость — не бой,
а шалость, и стыдно гордиться
сраженьем без ран и утрат;
что вени, и види, и вици —
забава для малых ребят;
что эти сраженья без риска,
премудрость значков и систем
отметит лишь крематорийский,
привычный к почтению Шопен;
А там уж в распаде и тленье,
в горенье — иные межи
и счеты. Что вам до Шопена
в бесславном бессмертье, мужи?

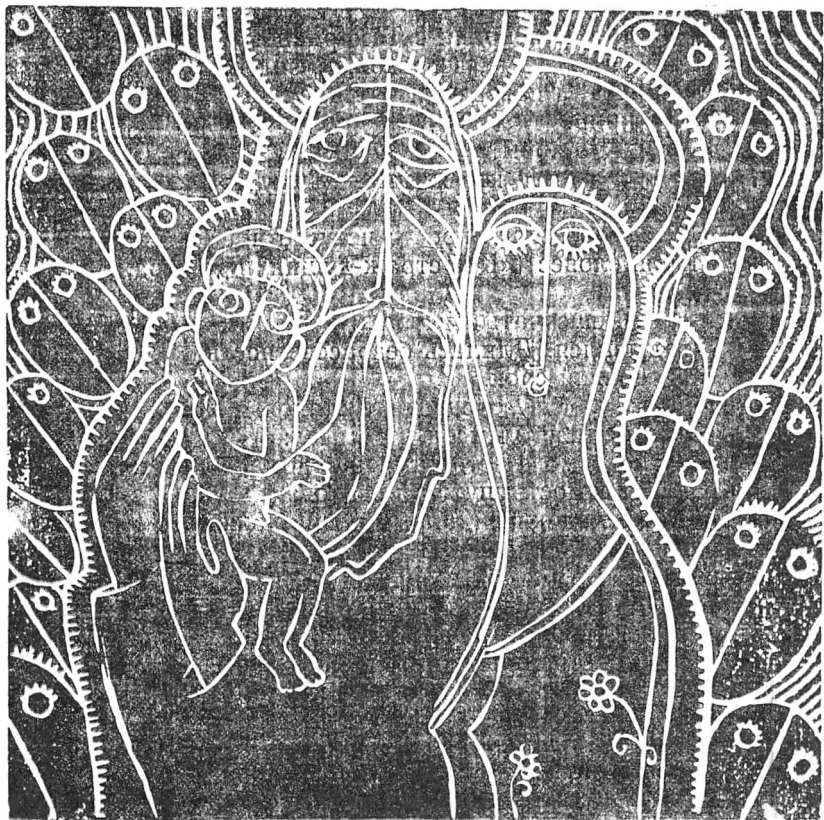
По стежкам, слушкам и по ломким
догадкам свершается суд,
и все донесут до потомков:
на вас, мудрецы, донесут...

Июнь, 1968.

Гребужены

Выбранные места

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

1. БЕССОННИЦА, А ПОТОМ СОН...

Я спутал Талейрана с Тамерланом...
В недоброй тьме, встревожен, зол и хмур,
Я причитал навзрыд и бесталанно:
«Кто крив?

Кто хром?

И кто из них — Тимур?»

Все стало вскоре просто несусветной
Игрой словес («Кто страж-душий? Кто страж
Души?»),

Решетчатый витраж

Угадывался. Длилась безрассветность,
Как долгий срок.

(Дотошных пустяков,

Себяжалений умысел и домысл:
Как невозможность памяти и дома,
Необратимость шуток и стихов;
Как безнадежный храп в ночи, ножей
В тиши бездарность и зловещесть;
Как дрязг и краж вседневность и как вечность
Немилостивых зим и сторожей;
А чуть точней — как малоумный лепет
И как нестрашный театральный гром,
Как показное мужество в нелепом —
Трагедия-с: «Забуть! Кто крив! Кто хром!»
По-моему, от малахольных слез,
От вздохов лицедейских прометеев
Спасает обещание — затеять
Жизнь как живется: с шуткой, но всерьез.

Легко сказать! Но жалкие слова
Одни и были с разумом и четки!

На должном месте витражи решетки
Мерцали — и болела голова.

«Кто — хан?» «Кто — хром?»

Ни малости не спасший,

Я всматривался, сбит и сокрушен,
Как в резко замолчавший телефон —
В тень витражей на тихих ликах спящих.

. . . . .

...Мне не сыскать неторопливых слов
Про все, что стало темой «дальше—позже»:
Здесь витражи ожили в зримой коже
Потешных, невозможных полуснов;

Здесь, в этом полусне, как полоса
Спектральная, как карнавалный остров,
Расцвел бесцветный оттиск полусна.
Сударыня! —

Дитя!

старушка!

ослик!

Вся пращурная мудрость черепах,
Вся камнеглазость ящерок и змеек,
Вся праздничность сандалий, тибетеек,
Косиц, косичек, седел и рубах...

(А ну как вдруг немилые черты,
Но явные проступят непреклонно?!)
...Все нищие арыжки и цветы
Внушали полуслышно (полусонно):

«НЕ САМЫЙ ЛЬ РАЗ, РЕШАЯСЬ НА
БЛАГОСКЛОННОСТЬ,
СПОДОБИТЬСЯ ЖИТЕЙСКОЙ ПРОСТОТЫ?
НЕ САМЫЙ ЛИ? НЕ ВРЕМЯ ЛИ? НЕ КСТАТИ ЛЬ
ВГЛЯДЕТЬСЯ В ЧУДО — В ЭТОТ ХРУПКИЙ

СПЛАВ:

ВОТ ИШАЧОК — КАК СФИНКС СРЕДЬ

ЖУХЛЫХ! ПРАВ!

ВОТ ШАЛОВЛИВОСТЬ РЕЗВОГО ДИТЯТИ!

И в этот миг, когда сама трава
Открыла мне заветное решенье, —
Как не ожить? — на головокруженье
И менторство я предъявил права.

Сударыня! Такой веселый сон!
Врачующие травы и слова
С ума сойти, как праздничны и яркие,
Дитя и ослик. Чистой жизни соль.
Обетованной тишины подарки...

2. ПОСТСКРИПТУМ

Сударыня! Такой — веселый! — сон.

Не говорите ж: «СОН — ЛИШЬ СОН — ЧЕРЕД
ЗА СИМ ОБМОЛВОК И ПРОСТУПКОВ,
В ДУШЕ КОПАНЬЕ И КОПАНЬЕ В ТРУБКЕ
И УТРЕННИЙ НЕСВЕЖИЙ АНЕКДОТ».

Мне кажется, что сон был суть: я — жил.
А если мне тотчас не написалось,
То это малость: недостало малость
Сиюминутной ясности души».

3. ИЗ ДИАЛОГА, ПОДТВЕРДИВШЕГО НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОВЕДИ

Куда там — не до сути и не до правд: горю!
Но жизнь благодарю за сопричастность судьбам;
За то, что в новый вздор я втянут, бедный, духом
И слушаю в пол-уха надрывный разговор;
Что здесь, в картуше драк, и счетов, и бесчестий
Я устоял от жестов и сочиненья драм;
Что в мельтешне, лютей напраслин и поветрий
Ни разу не поверил в возможность нелюдей...

Сударыня! Но строгость и память чистых лет
Я призван одолеть. Как мой прапрашур — бога.
В ревнители убожеств я записался вдруг —
Не вздумайте, мой друг, что вместе с сменой кожи
В ревнители убожеств я записался вдруг —
Я лишь сумел воздать как факту и обету,
Что в грязь былых аскетов я втянут: в благодать.
Я различил черты лишь читанного пане:
Сомнительность сиянья тщеславной чистоты.
И мне открылось в грубой проверке на Содом
Кто — кто: кто — крив, кто — хром,
кто в мире — кривдолюбы...

— «МНЕ КАЖЕТСЯ, ВАМ САМЫЙ РАЗ ПОРА,
ПРОВОЗГЛАШАЯ ИСТИНЫ ПРОСТЫЕ,
ПОВЕДАТЬ НАМ: НАМЕСТНИКИ ПЕТРА —
ХРАНИТЕЛИ СВЯТЫНЬ, НО НЕ СВЯТЫЕ,

И ТЕМ, КТО УЛОВИЛ СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ
НА МНИМОМ ЧУДЕ И НЕСКРОМНОМ ПЛАТЬЕ,
ОТВЕТСТВОВАТЬ, ЧТО ОН ЖИВОЙ СИМВОЛ,
ГЛАШАТАЙ, НО НЕ ТЕЛО БЛАГОДАТИ...

ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ В ЭТОТ ЧАС?
КАК МЫ МУДРЫ, КАК МЫ В СУЖДЕНЬЯХ
ТОНКИ!

КАК ТЕШАТ ПРИТЧИ НАС И ПОБАСЕНКИ,
КАК СТЫД ЖИТЕЙСКИЙ УМИЛЯЕТ НАС!

КОЛЬ ИСТИНЫ УДОБНЫ И ПРОСТЫ!
ПОДУМАЙТЕ — ТАК БЛИЗКО ДО СУЖДЕНЬЯ,
ЧТО МЫ КАК РАЗ ДОСТОЙНЫ ОСУЖДЕНЬЯ,
КОЛЬ СКОРО МЫ ДОСТИГЛИ ЧИСТОТЫ!..»

— Не говорите так! Не разумом, но кожей
Я чувствую ничтожество, доносов, краж и драк
Обкатанную ладную систему, косность, власть...
Но самому б не п а с т ь! А остальное — ладно.
Мне б самому не быть в героях и кликушах
И, сдавленну картушем, о душах не забыть.
Мне не до правд: горю. Не до судов и сути. —
За сопричастность судьбам судьбу благодарю.

Я счастлив, что на кручах,
Узнав хоть краем боль,
Я обрету не роль,
А участь, друг мой! Участь.

4. ЗЕВС — АФРОДИТЕ, РАНЕННОЙ ДИОМЕДОМ

(Мелическая вариация одной гомеровской темы)

*А ты была красавицей...
(Из старых стихов)*

Девочка! Тебе-то зачем эта Троя?
Что тебе эта рухлядь: стены
Пюта и баталий, победная песня
Школьного мифа?

Чем бы был мой мир и чего бы он стоил —
Сказка для зубрежки — когда б не Елены
Нежное безмолвье! Когда бы и если б
Не Суламита!

Чем бы он предстал? Кронидовой кляксой,
Выданной за росчерк преданий? Уликой
Вечных сукровицы да воплей? Метой
Смертии муки?

Скукою: хвастливой скукой Аякса?
Скукой: хитроумной скукой Улисса?
Скукой: кораблей, щитов — гексаметра
Длинною скукой?!

Ты так кротко плачешь: больно. Когда бы
Мы и вправду были б неробки духом,
Мы уберегли б тебя от мужлана
И от обиды.
Мы тогда мужчины, когда вы слабы.

Поручи богиням контор и кухонь
Бицепсы и битвы — сгубившим в Жанне
Киприду.

Предоставь сражения, триумфы, царства,
Копья, колесницы — пускай их! — оставь им,
Чтоб тебе пребыть от веков и доньше
Только Кипридой!

Столько некорысти в твоём лукавстве!
Столько нестяжания славы — в тщеславье!
Неужели ж это однажды сгинет
В мартовских идах?!

А они право же право добрая моя сударыня спорщица созданы только для Брута которым можно быть мгновение и все ведь если пребывать Брутом год месяц день час если замышлять стать Брутом и хотеть быть Брутом это значит быть просто убийцей и только ну не просто а подобравшим неглупые слова но и только и все равно убийцей и еще помоему вообще непосвященному стать им и не оскверниться так же невозможно как уродице быть несомешной и нежалкой в гриме Елены с вашими волосами сударыня разве змеиное слово «шлемоблещущая» сопрягается как-то с легкими вашими шагами на выставке картин молодых баталистов сбор в фонд комитета защиты мира или с потайным но очевидным ожиданием звонков и избранника...

... Уф?!

Воины мы, если вы беззащитны, богини!

5. ДИАЛОГ № 2, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ ТО ЖЕ, ЧТО И ПЕРВЫЙ

— «ВЫСОКОУМЬЕ МУДРЕЦОВ И НИЩИХ,
КОСНОЯЗЫЧЬЕ ТОСТОВ И ПОЭМ,
И ВЕСЬ ВОСТОРГ ВЫСОКИХ СЛОВ И ТЕМ:
ВЕСЬ ВАШ МАСОНСКИЙ КОД И
ЧЕРНОКНИЖЬЕ
И ВСЕ, ЧТО ВЫ, — СЕЙЧАС ОНО — ЗАЧЕМ?»

ЧТО СТАЛО С ВАМИ? НА КАКОМ ПУТИ
ВЫ ПОДОБРАЛИ СВОЙ ИСПУГ И БАРСТВО?
ЧЕМ ПОРОЖДЕН ОН — ПРАЗДНОСТЬЮ?
ОПАСКОЙ? —
СОВЕТ ПОКУРТУАЗНИЧАТЬ — И БАСТА,
СОВЕТ ПОКРАСОВАТЬСЯ — И УЙТИ?
СТАТЬ СТАТУЕЙ НА ПЛОЩАДЯХ СТРАСТЕЙ?
БЫТЬ КАМЕННОЙ СРЕДЬ ЗЛА? —
КАК НИ СУДИТЕ,
ВЫ ВЕЧНОЕ БЕЗВРЕМЯЕ СУЛИТЕ
ПРИЗЫВОМ ПРЕБЫВАТЬ ПРИ КРАСОТЕ...»

— Как с книжек обгоревшие листы
Стряхнув житейский пыл и нищий гонор,
Мне самый раз, решаешь на благосклонность,
Сподобиться житейской простоты.

Вы прямодушны. Очень. Может стать,
Что вам наскучит скоро этот лепет,
В моем письме и впрямь не счесть нелепиц.
Что вам трудиться? — Лучше не считать.

Представьте сами: трубный глас, и дым,
И трупный запах вождеденной битвы...
Сударыня! Доколе ж в мире быть нам
Посланцами немира и беды?

Мне худо, что далекий и в узде,
И ставший непонятным вам отныне,
Я не могу беречь вас от гордыни:
Высокомерья неотложных дел.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ КО СНУ

Но я хотел о солнце и сосне:
Хотел о сне. Хотел о сне — и сбился.
Мой сон исчез, сударыня: расплылся.
Бог с ним совсем — еще жалеть о сне!

Мне не сыскать неторопливых слов
Про все, что я так благодарно помню:
Про конуру, про поленницу дров,
Древесную прохладу сонных комнат:
Про все, что ваш странноприимный кров.
Про утро и про серый снежный сор,
Доверчиво прижавшийся к ограде.

Про все, что так сродни моей отраде
Сегодняшней (смотрите выше: сон),
Про тихий отрешенный разговор,
Шуршанье книг и занавесных складок:
Про все, что ваша дача — ваша благодать.

Подумать только! — дача! скатерть! бор!
И как я только мог, тупец и бездарь,
Лишь (так сказать!) почти у края бездны,
Почти у рубежей небытия
Понять, что бор — не робость. И не бегство.
Но жизнь. Но жизнь: сакральный смысл ея...

7. О НАС — О СЕБЕ

*С надеждой уточнить.
С надеждой опровергнуть...*

Встают неправо и разбой.
Но иллюстрации к утратам
Не разглядеть — не разгадать нам:
Мы слишком заняты. С собой.

За безопасностью оград
Храним мы лучшие из качеств:
Мы — регистраторы палачеств,
Зоилы дачные неправд.

Нам надо многое сберечь:
Свою — особенную — муку,
Свою семью, свою науку,
Свою — особенную ж — речь.

Нам позволяет наша честь
Особо знать и значить днени,
Раз слезы по распятом древле
Нам затмевают казни днесь.

Нет мира бедствий, чтоб пробить
Твердыню зрелища и дела!
Жить с нами — значит: жить несмело.
Быть с нами: нетчиком пребыть.

Пожалуй, что теперь за счет,
Когда кругом в одних уликах?
Звучит по-эллински: элита.
Ползет элита... Доползет?..

8. «ВТОРОЙ ЧАДАЕВ»

Откуда что берется в этот миг,
Когда приходит час надежд внушенных?
Сударыня! Какой нас ветер гонит
От благости, от музыки и книг,
От шорохов загадочных и сонных —
В базарный зной, сумятицу и крик?

И из какой пустыни наши души,
Уставшие, подать сумеют весть?
Сударыня, зачем нас ветер кружит?
И гонит нас — и некогда присесть?

Чтоб радугой, расцвеченной без меры,
Пустьившись в свой пленительный вояж,
Мы бросились в глаза, как эфемеры,
И возвратились на круги своя ж,

Где будет та же присказка и сказка
Скудельных душ и притомленных дружб,
И та же жизнь, — с азартом и с опаской —
С надрывом: та же вдавленность в картуш?

Но ты отмечен свыше: ты помечен
Обязанностью к действиям вотще...
Какой же ветер кружит нас и мечет
И гонит нас — и некогда душе?..

9. БУДТО ЭЛЕГИЯ

Какое столетье? Неужто не наше уже?
Две тыщи такой-то — а мы не заметили это...
Мне, право, до тое, не нашего, дела ни малости нету,
Совсем не об том я — о том, что и ты постарел, Беранже.
Хоть так же смешлив и умен и все так же сродни Аруэту.
Все то же? Все так же? Но вправду ли честь высока
Нимало не стареть?.. (И где наши мудрость да посох —
Все ветхость да трудная светскость.)

Минувшего нашего послух.

Как мог я не знать, что не вечна ж тоска, ни строка
Ушедшего в неги! Все то же? Все так же? Все так?
Ну, как бы не так!
В непосижности новых, ненашенских, буден
Застарело дело и нас забрала немота,
И верить нелепо, что в немочи мы не оскудим.

Оскудим. Конечно ж: нас время словило на том,
(А знали ведь, знали ж,

что преданность наша без прока!)
Что мы предавались главою, стихом и крестом
Не очень и нашей, но прожитой нами эпохе.
И вся очевидность высоких печалей и свар,
И гордость гражданств, и намерений, честных и чистых
(Так нам объясняли: король — Валуа и Валуев — министр)
Застарели нынче — и надобен песням словарь.

Словарь. Словосклеп. Но воздержимся как-то от слез.
Загублены вирши, но мы-то — живые, не с ними.
Мой друг Беранже,

мы не станем жалеть наших славных пизэс:
Забудутся песни — останется доброе имя.
Все — утешение.

10. ДИККЕНС

*Мне самый раз...
Сподобиться житейской простоты.*

Сударыня! Я вспомнил в мелкий час
Себяжалений и привязок к быту,
Что мучили меня в те дни обиды
да язвы обгоревшего плеча —
И только-то.

Но ежели среди дел
Я вспомню вновь крикливый южный город,
Как сызмальства, мне горько сдавит горло
Недобрый смех незлых — отнюдь — людей —
и только.

Только давность детских дел
Так не по мне: в те годы, не по росту,
Куда большей привычного сиротства
Я ощутил немудрость и х сердец.

Смешной, как в сквере духовой оркестр,
Большой и старомодный, как мазурка,
Мой город был сердечен и в мазуте.
Я б счастлив был, когда б не первый крест.

Я не умею подобрать ключи,
Чтобы открыться просто, без судейства,
Про город зноя, лоз и алычи
И очень копперфильдовского детства.

Как рассказать о родичах моих
За давностью без трепета и просто:
Что были не по детству, не по росту
Мне вздохи их и сокрушенность их,
Что горше и язвительнее жала
Был для меня их обреченный жест,

Парад их скорбных, слышных миру жалоб
И непосильность их великих жертв.
Несносно и старательно, без празднеств,
Меня в Ни что сводила воржотня.
О, как хвастливой был вконец задражен
Я добротой, унизившей меня!

И если я в двусмысленный тот миг
Не закоснел в упрямстве и упрямстве,
От ангельской угодливости грума
Я уберегся если, — горстка книг
Да дружества, которыми помечен,
Спасли меня от хмурой хитрецы.

А город был в мазуте и сердечен,
И обещали добрые концы
Зачитанные, ветхие романы,
Упрямо указующие цель.

И это было верным, необманным —
Напоминаьем: помни о конце
Хорошем. Об одном о нем. И слушай,
Как жизнь обетованна и проста,
И верь в невечность окучного перста!
И верь в покой и счастье добродушья!

И как я ни насмешничал, коря
Себя потом за сказку, — не нетленной
Она одна осталась, а изменой
Концам хорошим стала жизнь моя:
Мы полюбили варварство, мой друг.
Мы только тем и жили — упованьем
На проповедь сменившее камланье
И музы подменивший волапюк.
С ехидцей поддержавшие канон,
Нам полюбились шаткие подпорки:
Гражданственные рифмы — оговорки
И башней взгроможденный террикон.

(Тщедушный пастырь выморочных муз!
Когда твое непрочное строенье
Взметнет к чертогам свой надменный груз, —

Ты, сея лжу, возжиждешь оскуденье
Среди развала каменных пустынь!)
Но я спешу куда-то все — а ране
Я жил, мой друг, в слезах и обещаньях
Надежных, справедливых и — простых.

Какой волшебю было мне дано
С упорством непреложным очевидца
Уверовать, что Англии столица
И прадедов местечко — все одно:
Что, как ни различайте чад, — в чаду
Тщеславия, в торгашеском удушье
Нелепец — Нестяжатель — Добрадушец
Зажег свечу в ночи надменных душ.

И потому грядущее растрат
Душевности сулило мне не просто
Никчемного утрату первородства —
Но Словаря. Но кровного родства.
И потому, когда добра и зла
Разграничений видеть перестала
Душа моя — не детство оставляло
Меня, — но человечность обошла.

Входите ж в адский карнавальный круг,
Где пляшет козлоного и немудро
Петрушечник в одеждах демиурга!
Мы полюбили варварство, мой друг!
Пляши и блей, божественный козел!
Здесь, в святотатстве лубочного глума
Мы — пленники, и нет высокоумья,
Чтоб оживить озябнувший глагол.

Зачем — для старомодных утешений
Коснеющих упрямцев и тупцов? —
Оскомины кислицы праотцов —
Слова досужих жалоб и смятений.

Гляди ж, как вхруст, за годом новый год
Сминает жадно площадная челюсть!
Пляши и блей, божественная нелюдь!
Исхода нет. И к черту ли — исход?
В такие вот — присяжности — года
Один и спас: петрушечное зелье
И в исступленье бесноватых зрелищ
Низкопоклонство просто ль угадать?

. . . . .

Но что потом мы скажем, обрета
Потемки первобытные и пустошь?
Что был обряд? И не было искусства?
Что мы молились идолам, дитя?

11. ЧТО УНЫВАЕШЬ ТЫ, ДУША МОЯ

*«Что унываешь ты, душа моя,
И что смущаешься?»*

(Из Псалтири)

Начаток кривды и неправоты
В надменности душевной: в убежденье,
Что ты дошел до омысла и черты
Сокрытого, что ты проник до корня
Познания, до азбуки пыльцы.
Вот за чертой — заблудшие слепцы,
И ты им — поводырь, креститель, кормщик

*Если вы хотите обрести утраченную человечность,
Читайте Диккенса!*

Разбитости начаток и крушенья
В назойливом, непрошеном крещенье —
Начаток зла.

И я не поручусь,
Что я не знал заране: будет груз
Обрыдлостей, издерган и отринут,
Я брошусь к благодетельным отрывкам
Из писем к вам — и горько усмехнусь:
Такая — непригляднейшая — статья:
Искать всему конечные ответы,
Сполна от их никчемности отведать
И вновь кого-то в чем-то наставлять...
Мне плохо, что, далекий и в узде,
Я не сумею вам открыть воочью
В такой ночи — такое чувство ночи
Кромешной: это чувство нелюдей.

И лучше безрасветность, чем предел
Грядущего, при свете дня, бездушья:
Чем грязный и бесстыдный, как частушка,
Бездарный, как блатная песня, день.

И все что я; надежды и слова, —
своей нехитрой мерой замеряя,
День не уйдет, пока не замарает
Стихи и сны, и даже письма к вам.

Что делать мне? Ночами теребя
Плаксивый словник заунывных песен,
Придумать худосочное «Из бездны»,
Украдкою любуясь на себя?
Или свою придумав мерку: «Ад
Не по грехам», — без вкуса и без меры
Твердить: «Сие — стигмат истонной веры?..»
Подумайте! — парашка — и стигмат!
Что делать мне? Какая даль иль близь,
В каком краю предстанут мне защитой?
Так нету сил! (И где мой утешитель?)
Так худо мне! (И чем же мне спастись?)
Так нету сил!

...И, стало быть, пора
Искать в ночи не ночи злобы — лица
Родные, и бессловно приклониться
К товарищам по перьям и пирам.

Я б навсегда укрылся, если б смог,
(Как в старину сказали бы: под сенью)
В такую малость, в сущности, в лицьмо
От друга, — кроме — в чем мое спасенье?
Там, под пятой воинственных систем,
В проверке человечности и мужеств,
Вы — человеки, сколько вас ни мучай:
Вы дружества не предали. Ничем.

Я не судья вам — мне б один удел:
Строжайшей и пристрастнейшей охраной
Вас удержат от ссор и перебранок! —
Да вот беда: далек я и в узде.

Когда вы притомитесь от борьбы,
Какие ждут вас пропасти и ошибки?
Но дай мне бог: грехами и в ошибке,
И чем угодно — сходным с вами быть.
Да минет вас замшелый бережок
Приюта плоти сытой и несытой!
Пускай звучит по-эллински: элита!
Пускай элита круг свой сбережет!

Когда-нибудь при яркой вспышке дня
Грядущее мое осветит кредо:
Я в человеках тож: я вас не предал.
Ничем.

Друзья, молитесь за меня!

12. ДАВНЫМ-ДАВНО — И НЫНЕ

Давным-давно, послушник честный книг,
Я книжное ж слепил стихотворенье
Про пышное узорное цветенье
Цветов морозных — про уход их в Nichts
Без увяданья.

Не мне судить вас (что уж мы цветы
Морозные взлюбили?) — за способность
Не замечать лукаво низкопробность
Под машкерадной маской красоты:
Чем жить, когда бы не притворство книг
В столпов свержение и столпотворенье —
Когда бы не узорное цветенье
Цветов морозных, не уход их в Nichts
Без увяданья...

13. СОМНЕНИЕ

Поэты слепы и в потерях
Не ведают скорби потерь.
Я думаю так: не Гомера ль
Пленительность в сей слепоте.
Так надобен низким и горьким
Эпохам, живущим на слом,
Лишь росчерк огня, а не зоркость
Для трех валтасаровых слов.

От древлевседенских потемков,
От бранной и льстивой тщеты
Один и пребудет — и только
Взыскующий иск слепоты.

Как совести — ночь одиночеств,
Как памяти честной — засов, —
Томленье без рифм и вне строчек
Любому из огненных слов.

Одни и пребывшие в мире
Останки пиров и побед —
Слова те незрячи, как лира,
Слепы, как причастность судьбе.

И знаете, друг мой, — обидишь,
Неважно, кого-то иль нет, —
Но коль ты ревниво всевидящ,
Всеведущ, то ты — не поэт.

Ты вдруг ощутишь, что утерян
Бесславно язык праотцов:
Притупленных перьев затей,
Попытки натруженных слов,
Легки и пусты — безъязыцы,
Тревожно и зыбко кружа,
Споткнутся о скучные лица:
Бесстрастные лица чуждан.

И что им в слезах, горевые
Уроки исчезнувших дней
Соседки моей, Ниневии?!
(И кто зарыдает по ней?)
Наверно, надежно порочат
Любую из трепетных тем
Представшие в немоте
Смешные потуги пророчеств!

Тогда-то и будет разгадан,
До срока припрятанный в стих,
От детства, от первого шага
Мой страх оказаться в смешных...

14. НЕЛЬЗЯ НЕ ПРИЗНАТЬСЯ

*«И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу...»*

(А. Пушкин)

Тогда казалось: долгие года
Не выветрить из памяти тоскливой
Урочный час в Совете Нечестивых:
Шаманский срам Шемякина суда.

Тогда казалось: должно уберечь,
Как юношам из очерков — мозоли,
Победный знак еврея и масона:
Последнюю возвышенную речь.

Сударыня! — суда! ... в суде! ... судом!.. —
Мы все о нем — но пред лицом Содомы,
В который каждый втянут, — пред судом мы
Куда тяжеле.

Я стою на том,
Что испытанье пагубой и порчей,
Проверка униженьем и стыдом
Не для моей отнюдь тщедушной почвы.

Вот почему кружением не впрок
Отмечен каждый божий миг кануна;

Вот почему все оказалось втуне:
Любой — былой и небылой порок
Обозначал разрыв с собой и слома
Конечность, и сегодня этот слом
Подвиг меня на истинное слово
Последнее — и пусть оно не ново! —
ВИНОВЕН В ЧЕМ-ТО — ВИНОВАТ ВО ВСЕМ.

Уловленный недоброй хмурой тьмой,
Я и впотьмах сыскал, как видно, тропку,
И все, что ныне, оказалось робкой
И малой (не в грехи!) епитимьей.

Сударыня! — такой веселый сон!
Приснится же такое человеку!
Но сон — лишь сон:

в мечтах святой, как Мекка,
Ты созидаеть въяве Вавилон.

Какие лес и дача? — Не взыщите:
Какая благость? — Сиверна и Содом
И нету сил! (И где мой утешитель!)
И худо мне! (И чем утешит он!)

Утешусь ль тем, что сложен человек?
Что много в нем намешано от века?
Что мы, — когда Аврелий! и Сенека!
Когда поэт! Философ! Имярек! —
Вчитайтесь: Нуте-с: это ли не Мекка?

А если это вчуже и не впрок —
Пример велик, но явственно обличье, —
Утешит, может, тоже столь привычный,
Священника спасительный урок?

(Роскошество ревнителю убожеств?
Мздоимство, раболепие святош?
Все правильно, — однако вспомним, кто ж
Низкопоклонник, но хулителю торжищ?)

Откуда что берется в этот час:
Как мы мудры, как мы в сужденьях тонки!
Как тешат притчи нас и побасенки!
Как стыд житейский умиляет нас!

Коль истины удобны и просты!
Подумайте! Так просто до сужденья,
Что вы как раз достойны осужденья,
Коль скоро вы достигли чистоты...

...Я в сомкнутом, я в сдавленном кольце.
Мне остается пребавляться ныне
Запавшей по случайности латынью
Memento mori. Помни о конце:
Какие сны и травы? — Не взыщите!
Какая благодать? — Лживый, малый сон.
И нету сил! (И где мой утешитель?)
И худо мне! (И чем утешит он?)

15. СОНЕТ

Такая непрошенность — эта грязь
И поздний стыд — любая казнь в угоду:
Предвестница последнего ухода —
Объявшая меня грехобязнь.
Невыносимо в сдавленном кольце
Остаться до конца и сокрушенно.
Сомнительной гремушкой прокаженных —
Напоминаям: помни о конце.
Кому напоминаям и зачем?
Непрошенно, захлеб и неспасенно
О замыслах рассыпанных поэм,
О горькой невозможности забыться.
В каком краю, среди каких языцев,
Какому собутыльнику повем?..

16. СЦЕПЛЕНИЕ ЕЖЕВЕЧЕРНИХ СЛОВ

— Отыщется ль странноприимный кров?
— Отыщется, я думаю, чего там!
...Вообразим же, коль пришла охота
До слезных и самовлюбленных снов,
Молитвенное шествие коров,
Отверженность и жабую рябь болота:
Сочувственный и призрачный приют.

Дорожный посох и мешок ковровый,
В товарищах немилых по оковам,
Как и во мне, застенчиво живут.
Я думаю, насильственно, темно,
Протянутыми, скучными годами

Они об этом ревностно гадают
По стершимся костяшкам домино.
Вот так и я, ребячливо, навзрыд
В кругу своих товарищей постылых
Со стеллажами книжек и пластинок
Придумал свой пустынножитный скит.
Так милосердно пожалеть о том
О сем, себя взжалеть без меры
И причитать, в исконность слов не веря:
— Отыщется ль странноприимный дом?
— Отыщется...

...И нет конца, ни крова...

...И посох сбит...

И пуст мешок ковровый...

...И долуг путь...

И беспредельна ночь...

...И безысходна тяжесть этой ночи:

Униженность блужданья без помочи,

Паденье ниц и стыд отмерзших ног...

Так выдумка о ските и стезях,
Так участь наподобие и вроде
Вели меня к исчезновенью в роли
Опасной: в жизнь со снами и в слезах.
Так пишется едва ли не шутя
В докуке своевольного хотенья
Образчик благолепного хождения,
Апокриф пресвятаго жития.
А между тем среди таких забот
(Турпесенных!) есть чистый зов природы,
Предвестницы последнего ухода:
Пребыть иным и стать самим собой.
И перед этим счастьем обрести
Особый знак лица, отечеств, отчеств —
Что вся тщета вонтелей и зодчих,
Которая мелькнула на пути?

...Но вечер — и сцепленье тех же слов:

— Отыщется ль странноприимный кров?

— Отыщется, я думаю, чего там!

...И снова путь отринутостей, скит

В конце пути, загробный вопль болота

И голос мрака:

— Путник! Кто ты? Что ты?

— Я бедный нетчик в час вселенских битв...

17. ЗА ПАРТИЕЙ, ОТСТАИВАЮЩЕЙ ПРАВОЕ ДЕЛО,
Я ПОЙДУ ХОТЬ В ОГОНЬ,
НО ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ СМОГУ.

Монтень

Нетчик? Да-с. Бедный? Думаю, вряд ли.
Я давно уже шел к этой теме,
Но сказать не умел — и помог мне
Рассудительный друг Бюэси.

Долго, значит, я все-таки ждал,
Если трепетно так и готовно
К каждой строчке, изящной и едкой,
Прилепился душой в эти дни...

... Задохнулись в крошечном угаре
Дети Сарры и дети Агари...

... Значит, должен я выискать место
В этом крошечке местей и свар?
По какому наитью? Родства?
Но, сударыня, что за родство
С задохнувшейся речью пророка
У ублюдка, не пасшего стад?

Значит, должен я выискать место?
По какому наитию? Чести?
Но откуда ж мне ведома честь
Государственных тяжб и воеительств?

Наверно я нарочно оттягиваю ту сокровенную минуту собеседования с Вами которая право же друг мой и спорщица не поразит Вас никакой такой новизной так часто и мы говорили об этом бывало я знаю заранее что Вы скажете слова внушенные мною же так уж печально мы устроены что признание я вынужден так поступать воспринимаем как измену и как объяснить что понимание не обозначает измены своим поступкам ни даже что мы откажемся повторить эти поступки хотя знаем теперь и знали прежде их подоплеку потому что знали и знаем их подоплеку.

В этом крошечке мести и склок,
Непрощеной беды и обиды
Погубить себя в мартовских идах
Никогда не просрочится срок.

Мы едва не презрели межу.
Мы почти что взорвали преграду:
Мы, по-моему, были на грани
Бесноватой любви к мятежу.

Для чего мы пришли в этот мир?
Для того, чтобы сеять смятение?
Чтоб посланцами слезного мщенья
Громогласно себя заявить?

Для чего в этом мире, мой друг,
Мы закружены в бунтах и спешках?
Чтоб счастливый победный досуг
Посвятить сотворенью гарроты?

Утешит ль нас странноприимный дом?
Я думаю, утешит нас, чего там!
А нет — не поздно прыгнуть мятежом
И на досуге изобрести гарроту.

Еще не поздно. Пусть трепещет кто-то.
Мятеж да казнь — утешьтесь хоть на том...

Нетчик? Да-с. Бедный? Все-таки, вряд ли.
Нетчик — «нет» объявивший круженью,
Возвестивший: помешкай, взглядишь
В себя — и призвавший к терпенью.

Надо терпеть и ждать —
А иначе
Все обернется
Любовью к мятежам.
Надо терпеть и ждать
Просветленности душ и умов —

А иначе —
развеселый простор честолюбцу,
Для которого кровь нипочем!

Я предвижу слова, которые Вы мой друг вправе произнести
сейчас слова мною же внушенные с глубокой душевной печалью
угадываю их потому что в них правда от которой я не отрекаюсь
ни мало благо тому кто не блуждает между множеством правд
всяких там провидцев историков а еще и послухов дней своих...

СОНЕТ

Нелепо думать: мне не по плечу
Жить ожиданьем; сбыться ль дивной сказке,
Когда в пути, как к Савлу под Дамаском,
Раскаянье подступит к палачу.

Исполнен миф — и в сей блаженный миг
Вам возвестят кимвалы или трубы,
Что полюбили сирых раболубы,
И я обнял тюремщиков моих.

Который год вещает мудрость нам,
Что путеводна сказочка простая:
Исполнитесь презреньем к мятежам.

Живите, горней правды выжидая,
Незримо словоерсом обрастая
И кланяясь вельможным палачам.

18. СОНЕТ

Итак, смиренно погрузись в себя
Иль полномочный бунт твори повсюду, —
Твое мужанье с деревом Иуды
Цветеньем схоже — со зловещим чудом:
Терять листву, себя в цвету губя.

Терять листву, себя вконец губя,
Нам остается истовой и злее:
Порушить Я иль это Я взлелеять —
Все заблудиться в злополучных Я.

Своди — но воедино к а к свести,
Ищи рубеж — но где его найти:
Мятеж иль месть? Смиренность или смиренность?

И нет жрецов в покинутых кумирнях,
Которые мелькнули на пути...

19. ТОГДА-ТО...

Тогда-то для заблудшего в пути
Раздался глас, молитвенный и сторогий:
«Иди вперед! Ищи — живого бога!»

Совет благой — но как его найти?
И где найти? Ценой каких утрат?
Когда б не знать: меня вблизи чертога
Уж если не сомненье, не тревога,
Так боль зубная изведет, хоть плачь!

Простите за кощунство — сам не рад.
Но мне ли строить Августинов град,
Раз не страшит погрязшего в безверье
Ипрушечный — на сон грядущий — ад:
Весь апокалиптический парад
Видений дочерей на багряных зверях.

Нет сил для покаяний и молитв.

Я снова нетчик в час вселенских битв.

И мыслью о спасении горя,
Я жажду обновления, как влаги.
Но нет во мне мистической отваги.
Что мне Инкубы, правду говоря!

20. ИТАК...

1. Воспоминанье?

Старушечья поступь, унылость горба
В пугливой походке издерганной веры —

А мы не таимся. Чиста и горда,
И явна для недругов наша вечеря,
И праздничен вечер! За нашим столом
Бутылок беспечный и радужный слиток.
И светится имя Мадонны Элиты,
И царственны речи — за нашим столом.

2. Будни?

Мне невозможно жить, я не научен
Сносить без слов улыбочки наушеств.
Мне стыдно, что я жив, когда творят правеж
Безжалостность и жадность, ложь и вошь
И идиотство песенок и гимнов,
Звучащих здесь: блажной и грязный свал.

Так что мне книги? Больше: что стихи мне?
Что мне стихи — и даже письма к вам?

Что стерты и утеряны черты,
Являя миру веские улики,
Высокомерно ль освятить элиту
С подобиться ль житейской простоты.

Способиться — и дней своих на склоне
Жить в простоте: без гнева, не сердясь.
Жить в пустоте, причастность Вавилону
Представив как монашескую грязь...

3. Во что я верую?

Нам встретиться нужно. За нашим столом,
И вот мы собрались. Никто не увечен:
Никто не напуган, и Нечто увенчит
шутливая дружба за нашим столом.

И царствует кубок в сплоченном кругу
Иль — проще — стаканы — Так сдвинем их разом!
И нет раболепца — Да здравствует разум!
И нет раболоуба в сплоченном кругу.

Нам близко и тесно за нашим столом.
И шуткам простор и покойно подругам.
И нету им места — внушенным потугам
И склокам и сыску — за нашим столом.

4. Во что я не верю?

— Я не верю, мои друзья, снам и полуснам
и в возможность обойтись без них в отчаянную минуту;
— Я не верю в существование нелюдей и возможность недружб
и что должен жертвовать кем-то, кроме себя самого;
— Я не верю любви к мятежам: так создается зло;
и не верю в право уклоняться от мятежа:
так допускается зло;
— Я не верю в возможность ответить на вопросы души
и в право души не задавать их...

5. *На что я надеюсь?*

(Итак)

...что на кручах,
Узнав хоть краем боль,
Я обрету не роль,
А участь, друг мой...

Участь. Я надеюсь на
УЧАСТЬ. На свою
У каждого. Какая
Она ни есть.

*Январь, 1971
Кемерово*

СОДЕРЖАНИЕ

М. Харитонов. Об Илье Габае	3
Чужое горе	6
Из цикла «Посвящается»	
Баржи. Яхты	7
«Его святейшество — Безбожие!»	8
«Вот и мы с тобой в шестидесятих»	10
Предупреждение	10
Мальчикам	12
Бессоница (<i>Поэма</i>)	14
Из цикла «Еврейские мелодии»	
1. Мелодия	22
2. Сон о пегматите	22
3. Зарубабель	24
4. Шолом-Алейхему	25
5. Юдифь	26
Книга Иова (<i>Фрагменты поэмы</i>)	29
В последний раз в именье родовом	39
«Ну, как не знать!»	41
Волхвы	45
Выбранные места (<i>Поэма</i>)	53

ИЛЬЯ ГАБАИ

ПОСОХ

Стихи и поэмы

Составитель М. С. Харитонов

Художник Марат Ким

В оформлении использованы гравюры Вадима Сндуря

Зав. редакцией Н. И. Байков

Редактор А. Н. Зеленцов

Технический редактор А. К. Сокова

Художественный редактор Г. И. Максименков

Корректор А. В. Полякова

Сдано в набор 1.03.90. Подписано к печати 23.05.90.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Гарнитура литературная.
Высокая печать. Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 3,94. Л-13659.
Тираж 5000 экз. Цена 2 руб. Заказ № 987.

Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина
119048, Москва, ул. Усачева, 64.

Опытно-полиграфическое предприятие ЦНИИТЭИлегрпрома,
117335, Москва, ул. Вавилова, 69

